

Карельский научный центр
Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И АРХИВАЦИЯ
ФОЛЬКЛОРНЫХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ**

*Материалы
V научно-практического семинара*

г. Петрозаводск
21–22 марта 2012 г.

Петрозаводск
2012

УДК [001.891.55:39:930.25](063)

ББК 82+63.5+79.3

П49

Ответственный редактор
кандидат филологических наук **В. П. Кузнецова**

Рецензенты

доктор филологических наук **Н. Г. Зайцева** (ИЯЛИ КарНЦ РАН)

кандидат филологических наук **М. Г. Бабалык** (КГПА)

П49 **Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов.** Материалы V научно-практического семинара. Петрозаводск, 21–22 марта 2012 г. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 275 с.

ISBN 978-5-9274-0548-0

В настоящем издании публикуются материалы пятого научно-практического семинара, проходившего в Петрозаводске 21–22 марта 2012 г. В семинаре приняли участие ученые, сотрудники музеев Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Москвы. Обсуждались актуальные вопросы собирания, хранения и использования фольклорных, этнографических и археографических материалов. Впервые представлены описания фольклорных коллекций Института ЯЛИИ, хранящихся в Научном архиве КарНЦ РАН.

Издание предназначено для исследователей, работников образования, культуры, а также для читателей, интересующихся народными традициями.

УДК [001.891.55:39:930.25](063)

ББК 82+63.5+79.3

In the present publication the materials of the fifth research and practice seminar held in Petrozavodsk on the 21–22 March 2012 are published. Participants of the seminar were employees of the scientific, educational and cultural institutions of Petrozavodsk, Saint-Petersburg and Moscow. During the seminar current issues regarding collecting, storing and use of folklore, ethnographic and archeographic materials were discussed. Also the folklore collections of the Institute of Language, Literature and History stored in the Scientific archive of the Karelian Research Center were presented.

The publication is intended for researches, employees in cultural and educational spheres and also for all interested in folk traditions.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
(проект № 12-04-12033)*

ISBN 978-5-9274-0548-0

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2012

© Карельский научный центр РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Памяти В. А. Бахтиной</i>	5
Научные архивы	7
<i>Кузнецова В. П., Марковская Е. В., Герасимов Ф. С.</i> Электронные ресурсы по фольклору Института ЯЛИ КарНЦ РАН	9
<i>Зверева Я. В.</i> Особенности комплектования и научно-технической обработки материалов Фольклорного собрания Рукописного отдела ИРЛИ РАН	15
<i>Миронова В. П.</i> Собрание карельского фольклора в рукописном фонде Научного архива КарНЦ РАН	23
<i>Иванова Л. И.</i> Биографический материал о карельских сказителях в Научном архиве КарНЦ и Фонограммархиве ИЯЛИ (к вопросу об изучении жанра биографического рассказа).....	30
Методика и практика полевых работ	53
<i>Бильдюг А. Б., Бобров А. Г., Власов А. Н.</i> Археографические экспедиции Дривлехранилища им. В. И. Малышева в 2009–2011 гг.	55
<i>Лойтер С. М.</i> К выходу «Неизданных материалов экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. По следам Рыбникова и Гильфердинга»: опыт прочтения	62
<i>Кундозерова М. В.</i> История собирания карельских эпических песен о сотворении мира и устройстве мироздания	75
<i>Лызлова А. С.</i> Сказочники Водлозерья: новые материалы (по результатам экспедиций 2010–2011 гг.)	84
<i>Логинов К. К.</i> Из опыта Водлозерской (комплексной) экспедиции 3–14 сентября 2011 г.	92
<i>Конкка А. П.</i> Сакральная география Кенозерья: почитаемые рощи, кладбища и обетные кресты	102
<i>Савицкий А. А.</i> Образы власти в воспоминаниях жителей Карелии о первом послевоенном десятилетии	119
Описание фольклорных коллекций Научного архива КарНЦ РАН (Составитель Е. В. Марковская)	125
<i>От составителя</i>	127
Описание коллекций русского фольклора Научного архива КарНЦ РАН (фонд 1, опись 1).....	129
Описание коллекций финно-угорского фольклора Научного архива КарНЦ РАН (фонд 1, опись 2).....	192

Указатель собирателей русского и финно-угорского фольклора	260
География коллекций русского фольклора (фонд 1, опись 1) ...	266
География коллекций финно-угорского фольклора (фонд 1, опись 2)	271

Памяти В. А. Бахтиной

Валентина Александровна Бахтина
читает доклад на семинаре.
Петрозаводск, 21.03.2012 г.

В пятом научно-практическом семинаре, материалы которого публикуются в настоящем издании, принимала участие доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН Валентина Александровна Бахтина. Организаторы семинара предложили ей сделать доклад о том, как записывали фольклор участники экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга», проводившейся под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых в 1926–1928 гг. Подготовка к печати неизданных материалов этой экспедиции заставила В. А. Бахтину обратиться к вопросам текстологии фольклора, выработать подходы для наиболее точного воспроизведения подлинных записей. Данная тема актуальна и сегодня, поскольку в настоящее время продолжается работа по изданию фольклорных собраний.

Валентина Александровна значительную часть своей научной деятельности посвятила изучению наследия братьев Соколовых и сама была представителем классической школы русской фольклористики. Ее доклад «Коллективная запись фольклорного текста (критическая текстология)» вызвал большой интерес у участников семинара. К сожалению, прислать доклад для публикации Валентина Александровна уже не успела, она тяжело заболела и ушла из жизни примерно через полтора месяца после поездки в Петрозаводск, с которым у нее были давние творческие связи, в котором у нее остались друзья и соратники...

Светлая ей память, замечательному исследователю, прекрасной женщине, отзывчивому человеку, ценившему фольклористическое содружество и высоко державшему планку своего дела.

Петрозаводские коллеги

НАУЧНЫЕ АРХИВЫ

В. П. Кузнецова, Е. В. Марковская, Ф. С. Герасимов
Петрозаводск

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ ИНСТИТУТА ЯЛИ КАРНЦ РАН¹

В Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН в течение ряда лет (с 1999 по 2010 гг.) выполнялись проекты при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, Президиума РАН, Института «Открытое общество», Совета министров северных стран, Государственного комитета по делам национальной политики и связям с общественными и религиозными организациями Республики Карелия по сохранению научных фольклорных фондов Фонограммархива ИЯЛИ и Научного архива КарНЦ РАН. В начале 2000-х гг. стали активно развиваться новые информационные технологии, позволявшие переводить в цифровой вид звуковые записи, документы, книги, рукописи и т. д. Первоочередной задачей для нас стало сохранение фонотеки Института ЯЛИ, а потом и оригиналов фольклорных коллекций. В результате выполнения ряда проектов в Институте ЯЛИ появились новые электронные ресурсы по фольклору — это переведенный в цифровой формат звуковой архив и отсканированные рукописные коллекции. Развивалось и такое направление, как создание информационных Интернет-ресурсов: сайт «Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН» (<http://phonogr.krc.karelia.ru>) и сайт «Фольклорный архив ИЯЛИ КарНЦ РАН» (<http://folk.krc.karelia.ru>).

Проблема сохранения фонда фонограмм решалась путем оцифровки и записи на CD-диски. Перевод звуковых записей на электронные носители начался в 2000 г. Эта работа продолжается и в настоящее время. Оцифровано более 1000 единиц хранения (гибкие пластинки и магнитофонные кассеты).

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Создание информационной системы по прибалтийско-финскому фонду фольклорного рукописного архива Института ЯЛИ КарНЦ РАН» при поддержке РГНФ. Проект № 12-04-12033.

Оцифрованные пластинки, а потом и магнитофонные пленки положили начало созданию электронного научного фонда по фольклору Института ЯЛИ. В самом начале работ по переводу фонограмм на электронные носители пришлось решать много вопросов, например, делить ли запись на треки, подвергать ли запись какой-либо обработке? Вначале деление на треки производилось, из-за чего оцифровка шла очень медленно. В настоящее время перезапись на диски проводится один к одному, в WAV-формате, без деления на треки. Сохраненные таким образом фонды можно будет дальше обрабатывать в соответствии с необходимыми задачами. CD-диски являются дубликат-оригиналами магнитофонных записей. Решалась также проблема носителей, на которые сохраняются оцифрованные материалы. В начале 2000-х гг. существовала уверенность, что CD-диски являются надежными носителями и будут хранить информацию практически вечно. Оказалось, что это далеко не так, CD-диски не так уж надежны. Вскоре появились жесткие диски, которые оказались более надежными носителями, а потом возникла идея хранения цифрового архива на сервере и создания локальной сети Фонограммархива. Сейчас весь электронный архив записывается на диски (CD, DVD), а также на жесткий диск и на сервер.

Второй раздел этого фонда составляют отсканированные рукописные коллекции русского фольклора, которые хранятся в Научном архиве КарНЦ РАН.

Объем собрания — 212 коллекций, из них 103 представляют собой подлинники в ручной записи. Ручные записи имеют особую ценность не только как памятники фольклора, они отражают свое время, особенности работы собирателя, методы записи, в них — история отечественной фольклористики, поэтому так важно сохранить их в подлинном виде.

К настоящему времени завершен перевод в электронный вид «рукописной» части русского фольклорного фонда (фонд 1, опись 1) 1910–50-х гг., которая требовала неотложных мер по ее сохранению. Общий итог: отсканировано 103 коллекции, всего 61500 листов.

В 2012 г. начаты работы по проекту, поддержанному Российским гуманитарным научным фондом (№ 12-04-12033). Одна из задач проекта — создание электронной версии крупнейшего в Рос-

сии собрания фольклора прибалтийско-финских народов, хранящегося в Научном архиве КарНЦ РАН (фонд 1, опись 2). Многие коллекции этого собрания, записанные от руки, находятся в критическом состоянии, кроме того, этот фонд недостаточно систематизирован, нередко отсутствуют описи, что затрудняет работу исследователей. Задачами нового проекта являются создание информационной системы, научная систематизация старых коллекций по современным принципам, обеспечение доступа пользователей к образцам карельского фольклора через Интернет.

Первые записи относятся к 30-м гг. XX в. и охватывают всю территорию проживания прибалтийско-финских народов Карелии, а также Ленинградскую и Тверскую области и некоторые районы Эстонии. В настоящее время это единственное в России собрание, включающее фольклорно-этнографический материал прибалтийско-финских народов, а именно карельский (включая тверских и тихвинских карелов), вепский, саамский, ингерманландский, ижорский, эстонский. В архиве имеются уникальные записи северно-карельских эпических песен (рун), ставших некогда основой известного эпоса «Калевала». В Научном архиве хранятся также эпические песни, собранные среди ингерманландских финнов и ижорцев. Подобные записи в настоящее время имеются только за рубежом, в частности, в фольклорных архивах Эстонии и Финляндии.

Достаточно широко в рукописном архиве КарНЦ РАН представлены карельские причитания, жанр очень древний и весьма интересный для исследователей. Редкими являются записи свадебных, похоронных и бытовых плачей. К разряду уникальных, несомненно, относятся также записи ёйг, жанра, бытовавшего только в северной Карелии (в Калевальском и Лоухском районах). Имеются также образцы саамского традиционного пения лувты и довольно интересный более поздний песенный жанр лавл. Довольно широко представлена сказочная традиция, охватывающая все районы проживания карелов и вепсов. Хранится богатый песенный материал: лирические песни и частушки. На основе имеющихся записей вышли сборники эпических песен, причитаний, ёйг, сказок, песенные сборники.

Далеко не весь материал к настоящему времени издан, а многие из сборников уже являются недоступными, так как стали библиографической редкостью. Многие традиционные жан-

ры фольклора в настоящее время уже прекратили свое активное бытование, поэтому архивные материалы представляют большой интерес как для исследователей, так и для широкого круга людей, интересующихся народной культурой. Ввиду отсутствия справочно-информационной системы поиск необходимого материала в коллекциях занимает достаточно большое количество времени.

Опыт, приобретенный в процессе выполнения проекта по созданию электронной версии коллекций русского фольклора, значительно облегчает задачи, которые должен решить коллектив исполнителей данного проекта.

При выполнении проекта по оцифровке рукописного фонда русского фольклора были разработаны стандарты создания электронных фольклорных коллекций. После сканирования коллекции переписываются на сервер и на DVD-диски. В результате создан электронный научный фонд фольклорных рукописных коллекций, которым можно пользоваться, не обращаясь к бумажному оригиналу. Это дает ряд очень ценных преимуществ, таких, как:

1. Оригиналы коллекций не используются, и срок их хранения увеличивается;
2. Доступ к коллекциям через компьютер дает возможность копирования материалов без их износа;
3. Цифровые копии не подвержены влиянию времени.

Завершающей частью работы по созданию электронной версии рукописной коллекции является составление описи. Внутренние описи коллекций имели следующую форму: указывались единица хранения, название текста или инципит, разновидность жанра, номера листов в копии, примечания.

Разработана новая, дополненная форма описи электронной коллекции, в которую включены все сведения о произведениях, в том числе указаны номера файлов для каждой единицы хранения (произведения). Новая форма описи, включаемая в оцифрованную коллекцию, дополнена сведениями об исполнителе, месте и дате записи, собирателе, о публикации, в нее вносятся имена электронных страниц (файлов), по которым можно найти нужный материал в электронном фонде, хранящемся на сервере Фонограммархива. Только после заполнения новой формы описи можно считать законченным создание электронной

версии архивной коллекции и размещать ее на внутриархивном сервере для хранения и использования в работе.

Создана локальная сеть фольклорного архива. На средства проекта 2008–2010 гг. был приобретен сервер, а также комплектующие для ее создания. Пять компьютеров Фонограммархива подключены к серверу. Локальная сеть позволила объединить фонды рукописного архива и Фонограммархива и создать единый электронный фольклорный архив. Идея объединения фондов рукописного и звукового архивов много лет не могла реализоваться, данный проект позволил ее осуществить.

Создан новый информационный ресурс: сайт «Фольклорный архив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН» <http://folk.krc.karelia.ru>.

Задачей информационной Интернет-системы является предоставление возможности доступа через сеть для пользователей к фольклорным фондам, получение информации о работе архива. Сайт размещен на сервере Карельского научного центра РАН при технической поддержке сотрудников Института прикладных математических исследований КарНЦ РАН.

Главная страница сайта содержит информацию о фондах фольклорного архива Института ЯЛИ КарНЦ РАН. Здесь же размещена информация о последних изданиях материалов архива, аннотации изданий. На сайте пользователь может познакомиться с новостями, историей архива, с фотоальбомами по экспедициям и научным мероприятиям, с информацией о выполняющихся архивных и экспедиционных проектах, о ежегодном научно-практическом семинаре «Методика полевых работ и архивация фольклорных и этнографических материалов», об экспедициях, с публикациями материалов фольклорного архива Института ЯЛИ КарНЦ РАН, здесь можно получить контактную информацию.

Разработаны разделы «Рукописная коллекция» и «Звуковая коллекция». Они содержат базу данных, состоящую из образцов разных жанров северно-русского фольклора: былины, духовные стихи, баллады, сказки волшебные, новеллистические, анекдоты, песни обрядовые, лирические, предания, былички и т. д.

Данная информационная Интернет-система является одной из первых в России, представляющей не только описание фольклорного академического архива, но и дающей возможность пользоваться материалами фондов. Статистика посещаемости

сайтов за два года говорит следующее: в 2010 г. сайт Фонограммархива посетили 10211 человек, сайт рукописного архива — 903; в 2011 г. на сайте Фонограммархива побывали 10324 посетителя, на сайте рукописного архива — 952. Наблюдается некоторое увеличение посещаемости в целом, и, по статистике, посетителей больше интересуют звуковые записи, что и следовало ожидать.

Одновременно с оцифровкой звуковых фондов началось создание электронного каталога. Он обеспечен функциями ввода и поиска данных о каждом фольклорном произведении, содержащемся в Фонограммархиве и в архивных рукописных коллекциях, — жанр, место записи, исполнитель, собиратель, дата записи и т. д.

Каталог разработан с учетом возможности ввода сведений по следующим областям знаний: фольклор, этнография, языковедение. Учтена специфика материалов по русским, прибалтийско-финским народам, саамам.

Разработана функция ввода растровых, т. е. отсканированных изображений и звуковых файлов, а также электронных текстов. В результате создана информационная система по фольклорному архиву, позволяющая вводить, осуществлять поиск и выводить рукописные оригиналы, фонограммы, электронные документы. В ходе выполнения проекта планируется усовершенствовать имеющийся электронный каталог, что позволит ускорить процесс ввода данных.

Все перечисленные разработки позволяют в первую очередь сохранить уникальные научные фонды по фольклору — фонограммы и рукописные оригиналы. Второе важное качество — они способствуют созданию современного электронного фонда по фольклору, оснащенного поисковой системой, позволяющей находить необходимый материал практически мгновенно, осуществлять с ним различные операции: копирование, распечатку, пересылку, демонстрацию и т. д. Электронный научный фонд обеспечивает широкий доступ к фольклорным архивам, выводит на совершенно другой уровень работы — поэтому необходимо его развивать и совершенствовать дальше.

ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ МАТЕРИАЛОВ ФОЛЬКЛОРНОГО СОБРАНИЯ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ИРЛИ РАН

Фольклорное собрание Рукописного отдела Пушкинского Дома было создано в 1931 г. как рукописный архив при Фольклорной секции Института по изучению народов СССР Академии наук¹. Вместе с Фонограммархивом и специализированной библиотекой собрание в течение полувека входило в состав Фольклорной секции, а позднее – Отдела фольклора Пушкинского Дома и являлось источниковой базой для всех изданий отдела.

С начала и до середины прошлого столетия записи велись с помощью фонографа, на который удавалось записать лишь небольшой фрагмент звучащего произведения, остальное фиксировалось от руки. Появившиеся в конце 1940-х гг. магнитофоны позволяли записывать фольклорное произведение целиком, но число магнитных лент, как правило, было ограничено, поэтому фиксировались наиболее интересные и яркие образцы, большая часть полевого материала оставалась на бумаге. В период массового производства бытовых катушечных магнитофонов уже не было необходимости экономить магнитную ленту. С середины 1970-х собиратель мог записывать на пленку весь экспедиционный материал. При этом вместе с магнитной записью фольклорное произведение фиксировалось на бумагу либо впоследствии производилась расшифровка полевой аудиозаписи. Рукописные материалы (полевые тетради собирателей, дневники, отчеты, фотографии), собранные в ходе фольклорных экспедиций, поступали на хранение в Фольклорное собрание, а фонозаписи – соответственно в Фонограммархив.

¹ Подробнее об истории Фольклорного собрания см.: *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006. С. 364–400.

В 1982 г. произошло разделение двух архивов: звучащие материалы остались в Фонограммархиве, а полевые записи фольклора, собранные в ходе тех же самых экспедиций, а также отчеты, дневники, репертуарные списки и фотографии, перешли в Рукописный отдел. Фольклорный архив стал V разрядом Рукописного отдела², продолжая территориально находиться на прежнем месте, в стенах Отдела фольклора. Когда Рукописный отдел в 2000 г. получил новое здание, фольклорные фонды были перемещены в отдельное специально оборудованное хранилище, отвечающее основным требованиям, предъявляемым к хранению рукописных архивных материалов.

Рукописный отдел, имеющий статус научно-отраслевого архива, подчиняется Архиву Академии наук РАН, осуществляющему научно-методическое руководство и контроль за условиями хранения и научно-технической обработкой материалов. С переходом Фольклорного собрания в другой отдел комплексная специфика хранения фольклорного архива постепенно утрачивается: комплектование, научно-техническая обработка документов, а также их использование осуществляются согласно единым правилам, разработанным для Архивного фонда РФ³.

Традиционно Фольклорное собрание комплектовалось, в первую очередь, рукописными материалами экспедиций, организованных секцией, а позднее — Отделом фольклора: материалы Комплексных северных экспедиций Государственного института истории искусств 1926–1929 гг. (РО ИРЛИ, р. V, коллекции 2–6)⁴; экспедиций Института по изучению народов СССР АН СССР на Северный Кавказ в 1931–1935 гг. (коллекция 18). Значительную

² В Рукописном отделе сформировались комплексы документов, которые получили название «разряд». Разряд I образует коллекция единичных поступлений, не входящих в состав какого-либо фонда; в Разряд II вошли отдельные документы из БАН, Разряд III включает материалы, переданные из Института мировой литературы, Разряд IV — Древлехранилище им. В. И. Малышева.

³ Работа с материалами осуществляется на основании Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук от 18 января 2007 г.

⁴ Далее в ссылках на материалы Фольклорного собрания приводится только номер коллекции.

часть архива составляют коллекции, собранные сотрудниками ИРЛИ на Русском севере в 1958–1977 гг. (коллекции 190, 266, 275, 271), в Костромской в 1959–1960 гг. (коллекция 196), Пермской областях в 1962–1963 гг. (коллекция 229), Эстонии 1976 г. (коллекция 267) и других регионах бывшего СССР.

С момента основания рукописного хранилища в Фольклорной секции ИПИН было принято решение о соединении в одном архиве рукописных фольклорных материалов и фонозаписей, находившихся в других учреждениях⁵. В разное время в собрание были переданы материалы экспедиций Ленинградского отделения Союза советских композиторов (коллекция 75), Ленинградской государственной консерватории (коллекции 9, 10, 23), Ленинградского отделения Государственной академии искусств (коллекция 20); научно-исследовательских институтов: Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (коллекции 92, 93, 94, 240), Института языка, литературы и истории Якутской АН СССР (коллекция 205). Также в архив принимались копии материалов, хранящихся в других учреждениях. Среди коллекций собрания есть машинописные копии материалов: Музея Л. Н. Толстого в Москве (коллекция 175), краеведческих музеев Пскова (коллекция 180), Ярославля (коллекция 178) и Костромы (коллекция 191), Литературного музея имени Ф. Ф. Крейцвальда в Тарту (коллекция 197). Собрание микрофильмов с копиями материалов других организаций насчитывает 18 коллекций.

Значительную часть собрания составляют коллекции и личные фонды собирателей и исследователей фольклора: М. К. Азадовского, фольклор Амурского бассейна (коллекция 82), И. П. Еремина, материалы по народному театру (коллекция 136), фольклорные записи А. И. Никифорова (коллекция 120), личные фонды: О. Э. Озаровской (коллекция 12), Е. Э. Линевой (коллекция 34), Э. Г. Бородиной-Морозовой (коллекция 146).

Небольшие поступления от различных собирателей отложились в первой коллекции «Отдельные поступления» (коллекция 1). Сюда вошли записи фольклора из различных регионов страны, переписка с собирателями, научные труды

⁵ Подробнее об этом см.: *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 гг. СПб., 2009. С. 573.

Н. П. Андреева, Б. М. Соколова, Х. Т. Зарифова и других, а также стенограммы фольклорных совещаний.

В результате многолетних экспедиций, которые велись фольклористами на территории всего бывшего СССР, сложилась коллекция фотографий (коллекция 106), насчитывающая несколько десятков тысяч единиц хранения. В основном это портреты исполнителей, изображения утвари, традиционной одежды и ремесел, видовые снимки деревень, домов, храмов, большая часть которых ныне утрачена. Также в коллекции представлены снимки, дающие представление о том, как собирались фольклорные материалы: фото рабочих моментов экспедиций, совместные фотографии исполнителей и собирателей, снимки, выполненные во время переездов. В коллекции собраны портреты фольклористов и этномузыковедов, групповые фотографии, сделанные во время фольклорных конференций и совещаний. Эти материалы активно используются при работе над Сводом русского фольклора, привлекаются в качестве иллюстративного материала к другим изданиям. В настоящее время при научно-технической обработке фотографии уже не выделяются из состава фонда в отдельную коллекцию.

Коллекция изобразительных материалов, помимо фотографий, включает в себя лубочное собрание, насчитывающее около 2,5 тысячи народных картинок разной тематики.

Более подробную информацию о составе Фольклорного собрания можно получить из обзоров и указателей, последний из которых — «Фонды и коллекции Рукописного отдела. Краткий справочник», подготовленный В. П. Бударагиным и М. В. Родюковой⁶. В «Кратком справочнике по отраслевым архивам АН СССР»⁷ представлены аннотации к коллекциям, поступившим в собрание до середины 1970-х гг. В настоящее время А. Н. Мартынова и Н. Н. Лаврова работают над полным аннотированным указателем по архиву. О новых поступлениях в Фольклорное собрание можно прочитать в Рубрике «Новые поступления» в «Ежегодниках Рукописного отдела Пушкинского Дома».

⁶ Фонды и коллекции Рукописного отдела. Краткий справочник / Сост. В. П. Бударагин, М. В. Родюкова. Авт. вступ. ст. Т. С. Царькова. СПб., 1996.

⁷ Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР / Отв. ред. Б. В. Лёвшин. М., 1979.

На современном этапе в Фольклорное собрание принимаются оригинальные материалы на бумажных носителях: автографы, полевые рукописи, машинописные материалы и компьютерный вывод фольклорных записей или трудов по фольклору, а также фотографии.

Вопреки уже сложившейся традиции комплектовать фольклорный архив копиями фольклорных материалов, хранящихся в других организациях, в Рукописный отдел не принимаются копиями материалы, оригиналы которых хранятся в других архивах и частных коллекциях, а также в краеведческих музеях и домах культуры, до которых исследователям порой довольно сложно добраться. В архив также не принимаются печатные издания и местная периодика. Также непрофильными считаются компакт-диски с экспедиционными фотографиями и фотокопиями материалов. В Рукописный отдел уже с конца 1980-х не передаются расшифровки экспедиционных записей, хранящихся в Фонограммархиве.

Фонды и коллекции поступают в Рукописный отдел на основе заявления о передаче архивных документов на постоянное хранение. В случае если материалы привозятся из экспедиции, заявление пишут сами собиратели. Окончательное решение о поступлении принимается на заседании Экспертной комиссии, на этом же заседании коллекции, собранию или личному фонду присваивается номер.

Работа читателей с материалами архива возможна только после их научно-технической обработки. Фонды или коллекции считаются обработанными, только если они имеют описи, утвержденные на заседаниях Центральной экспертной комиссии Петербургского филиала Архива Академии наук, которые проходят два раза в год, но прежде — на заседании Экспертной комиссии РО ИРЛИ. Без этого фонд считается предварительно разобранным, и материалы читателям не выдаются.

Прежняя система обработки и учета материалов была предложена в мае 1934 года первым хранителем собрания А. М. Астаховой. Ею были заведены книга поступлений, а также Реестр коллекций, и составлены описи к коллекциям. Принцип формирования первых коллекций имел следующую последовательность: основа коллекции — одна экспедиция, внутри материалы классифицировались по жанрам, а затем географически (по населен-

ным пунктам). Каждая запись фольклорного текста любого жанра вне зависимости от объема представляла собой отдельную единицу хранения. Тетради, альбомы и конволюты не расшивались. Несколько единиц хранения объединялись в папки.

С 1934 г. архивный шифр указывался на штампе, который ставили на первый лист единицы хранения. Первая строка на штампе менялась, поскольку архив переходил из одной организации в другую: «Фольклорная секция. Институт Антропологии и Этнографии АН СССР. Колл. _ Папка_ № _» Позднее: «Инс. литер. АН СССР. Отдел фольклора. Колл. _ Папка_ № _». В настоящее время штамп, разрушающий бумагу и сам текст, не ставится. Шифры указываются только на обложках единиц хранения⁸.

С 2000 г. научно-техническая обработка фондов и коллекций осуществляется в соответствии с научно-методическими рекомендациями Архива РАН⁹, разработанных с ориентацией на личные архивы писателей и ученых. По новым правилам объем единицы хранения не должен превышать 250 листов. Если документ или группа документов превышают эти объемы, их следует разделять на несколько единиц хранения с соблюдением логической и хронологической последовательности. Новая система значительно упрощает обработку и учет материалов, однако фольклористы, занимающиеся текстологической подготовкой материалов для Свода русского фольклора, считают прежний принцип шифровки (каждая запись фольклорного текста – отдельная единица хранения) намного удобнее для работы. Единицы хранения объединяются уже не в папки, а в описи: до тысячи номеров в одной.

Личные архивы ученых и собирателей обрабатываются в соответствии с методическими рекомендациями¹⁰ и делятся на: I. Научные труды фондообразователя и материалы к ним. II. Биографические материалы, хозяйственно-имущественные документы.

⁸ Подробнее о прежних принципах научно-технической обработки и учета материалов Фольклорного собрания см.: *Шаповалова Г. Г.* Фольклорные фонды Рукописного отдела Института русской литературы АН СССР // Советская этнография. 1963. № 2. С. 139–144.

⁹ Методические рекомендации по комплектованию, экспертизе ценности и научному описанию фондов ученых в Архиве АН СССР. М.: Архив АН СССР, 1991.

¹⁰ *Виноградов Ю. А., Нагорова З. Н.* Методическое пособие по научно-технической обработке фондов ученых в Архиве АН СССР. М.; Л., 1960.

III. Материалы по деятельности (с разделением по видам деятельности). IV. Переписка с отдельными лицами. V. Иллюстративные материалы. VI. Коллекции документов, собранные фондообразователем. VII. Материалы других лиц. VIII. Материалы о фондообразователе. Согласно этой схеме фольклорные материалы попадают либо в раздел научных трудов, если фондообразователь сам собирал материал (как в фонде И. Д. Фридриха, фонд 280), либо — если не собирал — в коллекцию (как это сделано в фонде Л. С. Шептаева, фонд 284).

Все описи сопровождаются биографической справкой о собирателе или информацией о коллекции, истории поступления и принципах систематизации. Описи составляются в трех экземплярах, один из которых поступает на постоянное хранение в Архив Академии наук. Второй экземпляр хранится в Отделе учета, третий — в Читальном зале Рукописного отдела. Помимо описей учетными документами Фольклорного собрания являются Книги поступлений, Инвентарная книга, а также Архивные карты фонда, содержащие минимальные сведения о коллекции: название, даты записи материалов, объем коллекции, состояние (разобран, не разобран, есть ли опись, карточки для каталога, обзоры, научные описания) и состав документов коллекции. Учетно-справочные материалы не подлежат копированию и публикации.

Поскольку в общих методических рекомендациях нет инструкций для фольклорных записей, при обработке материалов коллекций и собраний нами применяется уже традиционный хронологическо-географический принцип расположения материалов в описи (по населенным пунктам, затем по хронологии записей). Хотя в зависимости от характера материалов принцип может меняться.

На протяжении долгого времени было принято следующее описание единиц хранения: на первом месте указывалась фамилия собирателя, затем название записанного жанра и место записи. После этого — способ воспроизведения: машинопись или по аналогии с авторскими материалами — автограф. Использование слова «автограф» применительно к фольклорным записям не вполне корректно, сейчас принята формулировка: «рукой... собирателя» или «записано таким-то собирателем». Также указывались даты записи и количество листов в единице хранения. В соответствии с современными требованиями описание единицы

хранения выглядит следующим образом: жанр, количество произведений этого жанра в данной единице хранения, место записи, фамилия собирателя, способ воспроизведения («рукой... собирателя», машинопись, машинопись с автоправкой), крайние даты (самая ранняя и самая поздняя даты) и количество листов.

Новые принципы комплектования и научно-технической обработки фольклорных материалов со временем неизбежно приведут к еще большему разделению некогда единых Фонограммархива и Фольклорного собрания. Единственный путь преодоления этой проблемы — создание цифровых копий и сводного каталога рукописных и звучащих материалов. Надеемся, что работа по созданию такого каталога начнется уже в недалеком будущем.

*В. П. Миронова
Петрозаводск*

**СОБРАНИЕ КАРЕЛЬСКОГО ФОЛЬКЛОРА
В РУКОПИСНОМ ФОНДЕ
НАУЧНОГО АРХИВА КАРНЦ РАН¹**

В Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН) (фонд 1, описание 2) хранится крупнейшее в России собрание коллекций, представляющих собой уникальные рукописные записи произведений прибалтийско-финского фольклора. Объем собрания в настоящее время составляет 173 коллекции, большинство из которых состоит из нескольких томов, треть имеет машинописные копии.

Условно можно выделить несколько этапов формирования прибалтийско-финского фольклорного фонда: довоенный период (30-е гг. XX в.), послевоенный, самый продолжительный период (конец 1940-х — 1980-е гг.) и современный период (1990-е гг. и до наших дней).

В первое десятилетие после основания Карельского научно-исследовательского института велась активная собирательская работа силами сотрудников фольклорной группы, а также студентами Педагогического института. Из материалов, зафиксированных в указанный период в Калевальском, Кестеньгском, Тунгудском, Ругозерском, Петровском, Сегозерском, Ведлозерском, Пряжинском, Олонецком районах, сформировано 67 коллекций. Самые ранние записи образцов устного народного творчества карелов, хранящихся в фондах Научного архива, датируются 1927 годом. Именно тогда в деревни Ухтинского района Карелии по заданию известного антрополога и этнолога Давида Алексеевича Золотарева выезжает сотрудник Карельской этнографической экспедиции Г. Х. Богданов для записи

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Создание информационной системы по прибалтийско-финскому фонду фольклорного рукописного архива Института ЯЛИ КарНЦ РАН» при поддержке РГНФ. Проект № 12-04-12033.

фольклорного и языкового материала. Согласно сохранившемуся отчету, перед собирателем ставилась задача записать материал, характеризующий этнологические особенности края, экспедиция за длительный период работы (с 12 июня по 25 августа, т. е. 2,5 месяца) при наличии специально подготовленных кадров добилась ликвидации существенных пробелов в изучении традиционной культуры карелов².

В общей сложности за время экспедиции было зафиксировано 30 произведений устного народного творчества, прежде всего, это эпические и свадебные песни, заговоры, ёйги, причитания, сказки. Некоторые образцы этих жанров были опубликованы впоследствии в «Карельском сборнике»³.

В последующие годы собирательская работа велась уже непосредственно сотрудниками Карельского научно-исследовательского института. Руководство научного учреждения в качестве первоочередной задачи видело обследование районов с карельским населением⁴. В конце 1930-х гг. неоднократно для фиксации языкового и фольклорно-этнографического материала в места компактного проживания карелов выезжали К. Ф. Белова, Н. Леви, В. Я. Евсеев, И. Яковлев, Г. Н. Макаров, О. Ф. Пергамент, А. С. Войнов и другие собиратели. Один выезд в 1937 г. был совершен Г. Е. Власьевым и П. Карповым в Шелтозерский район к вепсам, один выезд в 1940 г. произведен К. Луото в Ленинградскую область для сбора ингерманландского фольклора. Во время проведенных экспедиций выявлен богатый материал, в основном это песни калевальской метрики, причитания, сказки. Однако трудоемкое рукописное фиксирование ограничивало как территорию обследования, так и количество потенциальных информантов. Возможно, неохваченными остались некоторые талантливые сказители.

Следует попутно отметить, что указанное время было периодом активного возникновения разнообразных лиро-эпических новообразований. При тесном сотрудничестве собирателя и исполнителя рождались песни о Ленине, гражданской войне и ее героях и т. д. В некоторых случаях именно такие произведе-

² НА КарНЦ РАН, кол. 153, л. 1.

³ Карельский сборник / Ред. А. И. Андреев, Д. А. Золотарев. Л., 1929.

⁴ НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 3, д. 142, л. 50.

ния были в центре внимания ученых, по остальному репертуару составителей составлялись лишь пожанровые списки.

Несмотря на все вышеуказанные обстоятельства, в настоящее время сформированные за первые годы собирательской деятельности коллекции представляют огромный интерес для исследователей разных направлений. Однако имеются некоторые сложности в использовании таких материалов: по причине отсутствия в то время карельской письменности записи могли производиться как с использованием кириллицы, так и латинской графики. Кириллица, как известно, не передает все особенности карельского языка, данный факт усложняет прочтение и понимание текста. Предстоит огромная работа: перевод фольклорных образцов на латинскую графику.

На следующем этапе (40–80-е гг. XX в.) значительно расширилась география фольклорно-этнографических экспедиций, маршруты охватили уже всю территорию проживания прибалтийско-финских народов Карелии, а также Мурманскую, Ленинградскую и Тверскую область и некоторые районы Эстонии. Экспедиции были систематическими, во многом тематическими (каждый собиратель фиксировал материал по какой-то определенной теме или записывал какой-то определенный жанр). До конца 60-х гг. XX в. продолжил собирательскую работу В. Я. Евсеев, записывавший в основном песни калевальской метрики. Необходимо отметить огромный вклад, сделанный У. С. Конкка в формирование прибалтийско-финского фонда. Ею тщательно обследована Средняя Карелия, а именно район Сегозерья. Основной тематикой полевых записей были причитания, свадебная обрядность и праздничная культура.

Еще одним крупным собирателем карельского фольклора второй половины XX в. была А. С. Степанова. Она работала в деревнях Северной Карелии (калевальские и тунгудские поселения), в Медвежьегорском районе (деревни Сегозерья), а также в Пряжинском районе (д. Колатсельга, с. Ведлозеро). Среди зафиксированных ею на протяжении почти 40 лет материалов преобладают сказки, причитания, ёйги. Кроме того, накоплен широкий диапазон этнографических сведений.

Активную экспедиционную работу в указанный период проводила Н. А. Лавонен. Сосредоточив свое внимание прежде всего на Северной Карелии, она тщательно обследовала деревни

Кестеньгского района. В центре внимания Н. А. Лавонен была самобытная музыкально-поэтическая культура карелов этого региона. Собранный по данной теме материал лег в основу сборника «Песенная культура кестеньгских карел»⁵.

Неоднократно записывал фольклорный материал в ингерманландских и ижорских деревнях Э. С. Киуру, его экспедиционные исследования в основном были направлены на сбор свадебных и лирических песен, а также фиксировался сопутствующий этнографический материал.

Следует отметить огромный вклад в собирательскую работу Р. П. Ремшуевой, скрупулезно обследовавшей деревни Северной и Средней Карелии на предмет бытования баллад и других жанров устной поэзии карелов. Совместно с научными сотрудниками в экспедиции выезжали лаборанты П. И. Лукина, З. М. Трофимчик и другие, хорошо знающие один из прибалтийско-финских языков. Наряду с фольклорным материалом, в эти годы были сделаны фотографии многих известных сказителей. Небольшой фотоархив хранится в Научном архиве Карельского научного центра.

С начала 1960-х гг. фольклористы уже работали с магнитофонами, благодаря чему в рукописный архив стали поступать на хранение текстовые расшифровки магнитофонных записей. Однако расшифровки по причине отсутствия времени зачастую проводились выборочно, поэтому они не отражают все полученные во время экспедиций результаты. Указанный период можно назвать самым активным временем собирательской деятельности, результатом чего являются сформированные в большом количестве коллекции.

В 70-е гг. XX в. начали налаживаться связи с финскими учеными, а также фольклорными архивами, в частности, с Фольклорным архивом Общества финской литературы (г. Хельсинки, Финляндия). Благодаря усердию карельских фольклористов в 1975 г. Институт языка, литературы и истории получил копии фольклорных текстов Вяйне Кауконена, сделанные в 1942–1944 гг. на оккупированной территории в деревнях Калевальского, Медвежьегорского и Ведлозерского районов. Это

⁵ Песенный фольклор кестеньгских карел / Изд. подг. Н. А. Лавонен, науч. ред. А. С. Степанова, нот. прил. Т. А. Коски. Петрозаводск, 1989.

2386 единиц хранения разнообразного фольклорного материала, представляющего огромный интерес для исследователей⁶.

В конце XX в., в 1997 г., из фондов того же Фольклорного архива поступили копии полевых записей (тетрадей и карточек) малых фольклорных жанров. Среди них 1985 единиц вепсских пословиц, поговорок и загадок, собранных разными финляндскими собирателями на территории Шелтозерского района Карелии в 1943–1944 гг., а также копии пословиц и поговорок, зафиксированных начиная с 1902-го по 1960-е гг. на обширной территории Южной Карелии (Олонец – Сямозеро)⁷.

Начиная с 1990-х гг. расшифровки в Научный архив стали поступать уже в меньшем объеме. За последние два десятилетия сформировано менее 10 коллекций. Среди них – материалы А. С. Степановой: расшифровки причитаний, записанных ею в разные годы. Переданы расшифровки экспедиционных материалов по Ведлозеру, сделанных В. П. Мироновой и Л. И. Ивановой в 1993–1996 гг. Небольшое количество появившихся коллекций обусловлено, в первую очередь, экономическими причинами. Сокращение финансирования уменьшило количество экспедиций, а произведенные аудиозаписи по причине отсутствия помощи научно-технических сотрудников долгое время остаются нерасшифрованными. Однако, несмотря на все сложности работы, пополнение фонда продолжается.

В настоящее время в рассматриваемом собрании сосредоточен фольклорно-этнографический материал прибалтийско-финских народов, а именно карельский (включая тверских и тихвинских карелов), вепсский, ингерманландский, эстонский. В Научном архиве имеются уникальные записи севернокарельских эпических песен (рун). Достаточно полно представлен эпический материал по Южной Карелии, также хранятся эпические песни, собранные среди ингерманландских финнов и ижорцев. Кроме того, имеются редкие саамские записи. Это единственный в России фонд по прибалтийско-финским народам нашей страны. Подобные записи в настоящее время хранятся только за рубежом, в частности, в Фольклорных архивах Эстонии и Финляндии. Достаточно широко в рукописном архиве КарНЦ РАН представле-

⁶ НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 2, кол. 5.

⁷ НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 2, кол. 145, 146.

ны карельские причитания, жанр очень древний и весьма интересный для исследователей многих направлений. Ценнейшими в этой связи являются расшифровки магнитофонных записей свадебных, похоронных и бытовых плачей. К разряду уникальных, несомненно, относятся также записи ёйг, жанра, бытовавшего только в Северной Карелии (в Калевальском и Лоухском районах). Близкие по содержанию и манере исполнения саамские йёйку или лувты, к сожалению, не расшифрованы. Довольно широко представлена сказочная традиция, охватывающая все районы проживания карелов и вепсов. Хранится богатый песенный материал: лирические песни и частушки. Большой интерес представляет детский фольклор: колыбельные песни, потешки, пестушки, считалки.

На основе имеющихся записей вышли сборники эпических песен, причитаний, ёйг, сказок, многочисленные песенные сборники. Это и «Карельские народные сказки» (первый том по Северной Карелии, второй — по Южной), «Карельские причитания», «Народные песни Ингерманландии», «Песенный фольклор кестеньгских карел», «Устная поэзия тунгудских карел», «Духовная культура сегозерских карел», «Карельский ёйги», «Карельские частушки» и другие.

Однако указанные сборники не позволили охватить весь имеющийся материал, а многие из сборников уже являются недоступными, став библиографической редкостью. Следует отметить также, что многие традиционные жанры фольклора, к сожалению, в настоящее время уже прекратили свое активное бытование, вследствие чего архивные материалы представляют большой интерес как для исследователей, так и для любителей и почитателей народной культуры. Большое количество материалов недоступно из-за крайне ветхого состояния рукописных коллекций.

Напомним, что первые рукописные записи произведены карандашом на серой некачественной бумаге, в некоторых случаях сделаны на оборотной стороне канцелярских бланков или листовок. Общие сведения о содержании фольклорных коллекций находятся в описях, вложенных в каждую папку с рукописями. Поиск необходимого материала занимает достаточно большое количество времени, поскольку приходится перелистывать всю коллекцию или даже ряд коллекций в поисках необходимых записей. Материал чаще переписывается от руки или фотографирует-

ся, карандашные записи плохо поддаются копированию. Электронный вариант коллекций во многом мог бы облегчить работу исследователя. Однако компьютерный набор – процесс довольно трудоемкий, требующий от специалиста не только большого количества времени, но и хорошего владения прибалтийско-финскими языками.

Первоочередной задачей в настоящее время является перевод текстов в цифровой формат, что позволит создать информационную систему, в состав которой войдут отсканированные тексты фольклорных произведений и набранные описи. Сохраненный в подобной форме материал станет более доступным для пользователей. Прделанная работа даст возможность создать электронный каталог по прибалтийско-финскому фольклорному фонду и дополнить сайт «Фольклорный архив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН».

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ
О КАРЕЛЬСКИХ СКАЗИТЕЛЯХ В НАУЧНОМ АРХИВЕ КАРНЦ
И ФОНОГРАММАРХИВЕ ИЯЛИ (К ВОПРОСУ
ОБ ИЗУЧЕНИИ ЖАНРА БИОГРАФИЧЕСКОГО РАССКАЗА)¹**

Биографические рассказы являются совершенно особым фольклорным жанром, серьезное внимание которому в отечественной фольклористике начали уделять лишь с конца XX в. Они интересны ученым многих смежных научных дисциплин и с различных точек зрения. В биографических повествованиях заложена информация не только об одном человеке, но чаще всего обо всей семье, и порой, на протяжении нескольких поколений, информация яркая, эмоционально и личностно окрашенная. Акцент делается на моментах, наиболее запомнившихся и больше всего повлиявших на судьбу человека. Биографические рассказы разнообразны и по сюжету, и по композиции, и по стилистике, и по многим другим параметрам.

К сожалению, на этот жанр не сразу обратили внимание не только исследователи, но и собиратели. До XX столетия в Северной Карелии и на приграничной территории с носителями фольклорной традиции работали только финские исследователи. А на юге в XIX в., к примеру, фольклорно-этнографический материал записывали такие энтузиасты, как Н. Лесков, архив которого, к сожалению, не сохранился, и о его богатстве можно судить лишь по немногочисленным опубликованным статьям. Причем если финнов в основном интересовали жанры, связанные с калевальской метрикой, то Н. Лесков особое внимание уделял верованиям карел. Но для русских исследователей карельской традиции большой преградой был языковой барьер: в дореволюционное время в карельской деревне практически не говорили по-русски (особенно женщины), а мужчины учили русский язык только во время службы в армии или на отхожих промыслах.

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Целенаправленная деятельность по активному собиранию карельского фольклора началась с 30-х гг. XX в. В 1930 г. был организован Карельский научно-исследовательский институт, преобразованный в 1937-м в КНИИ культуры. Наряду с этнографией и лингвистикой его сотрудники занимались исследованием фольклора. На начальном этапе активной собирательской деятельности акцент делался на запись традиционных жанров — эпической поэзии, сказок, песен. Это объясняется не только особой социально-политической обстановкой, когда не рекомендовалось и даже запрещалось изучать языческие верования (заговоры, мифология), но и отсутствием какого-либо технического оснащения. Все тексты вплоть до 40-х гг. XX в. записывались только от руки, а потому внимание акцентировалось на тех жанрах, которые считались наиболее ценными. И, как следует из полевых дневников, не было никакой, даже просто физической возможности зафиксировать весь репертуар многих сказителей.

Поэтому биографический материал записывали в последнюю очередь, но от этого он еще более ценен. С появлением аудио-записывающей техники уже в послевоенное время биографиям также уделялось очень мало внимания вследствие недостаточного количества магнитофонной ленты. Записывать автобиографические рассказы активно начали лишь с 1970-х гг. К концу XX в. этот жанр стал едва ли не основополагающим, так как именно на фоне рассказа о своей жизни вспоминается и обрядовый, и песенный фольклор, и жанры, связанные с древними верованиями. С 80-х гг. XX в. биографический материал на карельском языке фиксируется полностью. Можно сказать, что основное внимание респонденты уделяют детству, молодым годам. Много рассказывают о разрушении церквей, о войне, о жизни в оккупации и эвакуации. В последние десятилетия свободнее говорят о репрессиях 1930-х гг. В более ранних записях много свидетельств о колхозной жизни, о новинках деревенского быта (появлении радио, электричества). В рукописных материалах есть рассказы о жизни карельской деревни в последние десятилетия XIX в., о службе в царской армии, о войнах начала XX в.

Аналогично ситуация складывалась и в финской фольклористике. Первоначально при фиксировании текста делается акцент на запись традиционных фольклорных жанров: эпической поэзии и заклинательного фольклора, позже — сказок, и лишь затем —

несказочной прозы. П. Хакамиес пишет: «В середине 1950 годов среди некоторых фольклористов появляется идея профессионального переключения опыта исследователей предшествующих поколений на материалы Фольклорного архива Финского литературного общества. Многие влиятельные представители архивов решают, что собирание традиционного фольклора в ближайшем будущем сойдет на нет и только исследовательская деятельность останется востребованной»². Но в 1960-е гг. взгляды меняются. В основу будет положена точка зрения М. Кууси: существование устного народного творчества бесконечно, так как современная народная культура имеет прямые аналогии с традиционным прединдустриальным фольклором³. В Финляндии начинается переход к новому направлению в полевой практике, на которую оказали влияние и некоторые тенденции американской фольклористики. Объектом интереса становятся исполнители, сам процесс исполнения, проблематика его фиксации и семантика фольклора.

Таким образом, тенденция постепенного умирания традиционного фольклора (вследствие технического и социально-культурного развития общества) заставила собирателей и исследователей всего мира обратиться к контекстуальной информации. На аудионосители стала записываться вся история жизни респондента, и на этом фоне фиксировался сохранившийся в памяти традиционный фольклорный материал.

По мнению П. Хакамиеса, в последние два десятилетия «в финской фольклористике могут быть выявлены три разные, но не взаимоисключающие точки зрения на «персональные рассказы» как источниковедческий материал. Первая точка зрения, «рефлексивная», основывается на информативной стороне процесса диалогического интервью и концентрирует внимание на том, как люди моделируют свою жизнь, идентифицируют себя. Вторая точка зрения может быть охарактеризована как «перформанс»: исследователи сосредоточивают свое внимание на процессе исполнения нарративов, их ситуативной приуроченности.

² Хакамиес П. Устная история – новая парадигма в финской фольклористике // Народная культура Русского Севера. Фольклорный этнитет этноса. Вып. 2 / Отв. ред. В. М. Гацак, Н. В. Дранникова. Архангельск, 2004. С. 86.

³ Honko L. Geisterglaube in Ingermanland I. FF Communications 185. Helsinki, 1962.

Третья точка зрения — «устная история» рассматривает «персональные повествования» в контексте традиционной культуры»⁴.

Финский исследователь Ю.-М. Пелтонен, изучая воспоминания соотечественников о гражданской войне, сравнила свой материал с традиционными историческими легендами и пришла к выводу, что существуют определенные сходства между военными рассказами и традиционным фольклором. «Функциональный анализ рассказов показал, что истории о зверствах, рассказанные сторонниками Белого движения, соответствуют рассказам пропаганды, которые были использованы как оправдание для применения жестоких мер белыми в течение войны и после нее. Основное функциональное назначение рассказов красных — сохранить свою версию истории, мысленно отомстить белым посредством виртуального наказания за совершение различных зверств»⁵. Советские же историки часто в качестве единственно правдивой исторической версии представляли свидетельства тех очевидцев, которые были на стороне большевиков. Мнение Белого движения чаще всего вообще не учитывалось или фальсифицировалось. Это говорит о том, какое значение имеет официальная политика государства и для большинства собирателей, и для респондентов, даже если их рассказы откровенны, а корреспондент не навязывает свою точку зрения.

В результате изучения биографических рассказов в финской фольклористике появились такие новые концепты, как устная история, историческая память, персональное повествование, воспоминание, биография, бытовой рассказ, фабулат, меморат, слух, хроникат, джокулат. В отечественной науке исследованию жанра биографического рассказа в первую очередь стали уделять внимание социологи, историки и фольклористы.

В 1989 г. при Институте социологии РАН был создан Биографический фонд. Сейчас в нем хранится огромное количество жизнеописаний, среди которых есть и многочисленные рукописи, и многочасовые интервью, целые подборки материалов, связанных с жизнью и одного человека, и одной семьи, и определенного круга лиц.

⁴ Хакамиес П. Указ. соч. С. 91.

⁵ Там же. С. 92.

По мнению В. Б. Голофаства, суть биографии, как повествования о жизни, в том, что она вводит «обобщенный, интегральный образ “я”, хотя бы пунктиром намечает идентичность человека в целом и выводит сознание, мышление на особый временной горизонт — в макровремя человеческой жизни»⁶. Большое значение имеет, при каких обстоятельствах происходит фиксация биографии или автобиографии. «В ситуациях социального давления или принуждения человек добровольно открывает о себе и своей жизни лишь то, что и так существует вне его в виде документов, удостоверений, свидетельств других лиц, т. е. лишь интересубъективные, признанные другими, известные аспекты своей биографии, жизни и личности. Эти аспекты уже были намеренно или случайно показаны другим, а тем самым и себе — были осознаны, отрефлексированы, а возможно и вербализованы»⁷. Если установятся доверительные отношения, то респондент будет открыт, искренен, будут сняты некие моральные и социально-политические запреты. Большое значение имеет и специфика характера человека: интраверт он или экстраверт. Насколько он готов вербализовать свой микромир. Ощущает ли он свое место в историческом макромире и готов ли говорить об этом.

Биографии бывают тематизированными и нетематизированными. По мнению исследователей в первых повествованиях «велико жанровое давление, природа жанра, существующая вне и помимо данного повествования, оказывается для автора многообразием оправдательных, организующих ориентиров: об этом не стоит и упоминать, поскольку почти у всех было так, это в порядке вещей, или если я об этом говорю, то потому, что удивительно — у всех было иначе, а у меня вот так»⁸.

Еще на один аспект биографических описаний обращал внимание П. Бурдьё: «В осмысленности, линейности и целостном представлении человеческой жизни равно заинтересованы как авторы автобиографических повествований, так и интервьюеры или исследователи (путь от генезиса к завершению, целост-

⁶ Голофаств В. Б. Многообразие биографического повествования // Социологический журнал. 1995. № 1.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

ность, осмысленность, внутренняя обусловленность течения жизни)»⁹.

На то, такой ли человек на самом деле, каким он себя представляет в биографии, влияют многие факторы. Это и условности жанра, и культурные формы самосознания или сознания жизни, и другие обстоятельства биографической коммуникации (собеседник, конечный адресный круг читателей или слушателей, инстанции цензуры или социального контроля, культурные концепции «я» и др.). Чем меньше условностей вокруг человека, чем меньше его грамотность, чем ниже социальное и служебное положение, тем большая открытость присуща автобиографиям. «Соккрытие фактов, реакций на них, оценок и тому подобное (т. е. фигуры умолчания) могут быть свидетельством детерминации, сложным сплетением различных внешних причин и внутренних стремлений»¹⁰. Например, о репрессиях в карельских деревнях и финской оккупации открыто начали говорить лишь в 90-х гг. XX в., когда изменилась политическая обстановка в стране.

Перед исследователем встает вопрос о сопоставимости биографии и истории, так как, безусловно, реальность биографической иллюзии существует. На основе изучения одной автобиографии, одного микромира, невозможно говорить о типологичности истории и макромира. Хотя даже отдельная биография — это не только осмысление своей жизни, но и определенного исторического промежутка. Так как жизнь, история человека и государства не могут быть совершенно изолированы друг от друга, собрав множество автобиографических текстов, можно составить калейдоскоп истории, сложить ее мозаику. При этом, безусловно, необходимо будет учитывать множество внешних условностей: личностные особенности и социальный статус интервьюера и корреспондента, время записи, цели написания автобиографии и многое другое. Одним из первых, кто поставил биографический и автобиографический анализ в центр методологии гуманитарного знания, был немецкий культуролог и литературовед В. Дильтей.

М. Бургос считает, что в автобиографии рассказчик выступает как рупор «надындивидуального субъекта» (поколения, опре-

⁹ Bourdieu P. L'illusion biographique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1986. Juin 62/63. Paris. P. 69–72.

¹⁰ Голофаст В. Б. Многообразие биографического повествования // Социологический журнал. 1995. № 1.

деленной социальной или демографической группы), чья цель — «обеспечить сохранность и передачу традиции». Исследователь говорит о том, что от автобиографии следует ждать простоты, нейтральности и отсутствия стиля. А «история жизни» (амер. life story) «отслеживает генезис индивида, становящегося рассказчиком по ходу изложения собственной жизни. Здесь стиль приемлем и необходим»¹¹. По мнению Н. В. Голубовича, жанр «истории жизни» вбирает в себя и синтезирует специфические методы и приемы многих исследовательских областей и ярко демонстрирует характерную для современного гуманитарного знания междисциплинарность. Здесь сходятся интересы социологов, литературоведов, фольклористов, историков, философов, психологов¹².

На современном этапе изучением устной истории в Карелии активно занимаются ученые ПетрГУ. В конце 2004 г. при историческом факультете университета был создан Центр устной истории. В результате была основана серия «Устная история в Карелии», в рамках которой уже вышло несколько сборников с исследованиями и интервью. Они посвящены теоретическим вопросам устной истории, предвоенным и послевоенным десятилетиям в Карелии, истории иммиграции североамериканских финнов в Советскую Карелию, финской оккупации республики в 1941—1944 гг. и другой проблематике. В Институте языка, литературы и истории КарНЦ Т. С. Курец подготовила две книги, посвященные биографиям русских сказителей¹³. Одним из первых основополагающих исследований по изучению современного семейного фольклора является работа И. А. Разумовой¹⁴. Особое внимание изучению жанра биографического рассказа с фольклорной точки зрения уделено в журнале «Традиционная культура» (2009, № 10).

Биографические рассказы о большинстве карельских сказителей, как и устная история, записанная на карельском языке, — все

¹¹ Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 123—130.

¹² См.: <http://childculd.ruh.ru> — 05.09.2012.

¹³ Носители фольклорных традиций (Пудожский район) / Изд. подг. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2003. 408 с. Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия) / Изд. подг. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2008. 372 с.

¹⁴ Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи: быт, фольклор, история. М., 2001. 374 с.

это еще не становилось предметом глубокого научного изучения. Большое количество автобиографических рассказов, записанных от носителей фольклора различных национальностей во второй половине XX в. и в первом десятилетии XXI в., хранится в Фонограммархиве ИЯЛИ. В Научном архиве КарНЦ РАН сосредоточены интереснейшие, большей частью рукописные, материалы 1930—40-х гг. К примеру, в Фонде 1, опись 4, дело 44 содержится «переписка ИЯЛИ со сказителями Карелии об оказании после окончания Великой Отечественной войны помощи в сборе фольклора» за 1947 г. В это время в институте возобновилась работа с рунопевцами и сказочниками, восстанавливалась связь с ними, прерванная в военное время. В этом деле находятся список из ста двадцати пяти имен карельских рунопевцев и сказочников и некоторая информация о них. Весь этот богатейший материал о носителях карельского фольклора совершенно не изучен и практически никак не введен в научный оборот (за исключением небольших статей в периодической печати и Энциклопедии «Карелия»).

В Научном архиве КарНЦ РАН под номером 155 находится коллекция¹⁵, в которой собраны биографические сведения о карельских сказителях, точнее — о сказителях карелах. Состоит она из шести томов разного объема. Третий том называется «Библиография. Краткие сведения о сказителях». А ниже названия, написанного ручкой, очень мелко карандашом выведено: «Перевод книги». Далее на двух листах приведен список сказителей с указанием населенных пунктов, в которых они родились или чаще всего проживали на момент записи. В этом списке 72 фамилии, 54 мужские, 18 женские. Все сказители — северные карелы. В низу страницы сделана приписка: «В списке даны только самые крупные имена», в коллекции собраны сведения о гораздо большем количестве лиц. Возможно, это перевод какого-то финского исследования. К сожалению, на данный момент это не удалось точно установить. В деле подшито 149 страниц, напечатанных на пишущей машинке.

Информация в основном дается в алфавитном порядке, начиная от Агаповых Ульяны и Ивана и заканчивая Смёткунен Рийно. Сведения касаются исполнителей, живших в XIX в., у кото-

¹⁵ НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 2, кол. 155, ед. хр. (том) 1—6.

рых записывали эпические песни и другие фольклорные жанры финские собиратели Генетц, Борениус, Бломштедт, Лённрот, Паулахарью. Рассказывается не только и не столько о биографиях рунопевцев, сколько об их внешности, характере, манере исполнения, репертуаре, о деревнях, в которых они жили. То есть создается некий локально-временной портрет бытования рун и иных фольклорных жанров (в основном связанных с калевальской метрикой: заклинания, свадебные песни и др.) в Северной Карелии в XIX в. Прослеживается тенденция развития фольклорной традиции от дедов исполнителей к отцам, а затем и детям, которые поддерживают ее уже с меньшим энтузиазмом. Особо подчеркивается наличие своеобразного двоеверия: люди часто молятся, верят в бога — и между тем «еще сильно верят в колдовство и магию», широко используя в быту знание заклинаний. Завершаются сведения о каждом исполнителе ссылками на тома SKVR, в которые включен их репертуар. В случаях, когда можно проследить родословную, создается портрет нескольких поколений рунопевцев, носителей фольклора. Иногда же говорится просто о «некоей старухе», «некой хозяйке», «некой двадцатидвухлетней девушке», «неком молодом хозяине», «неком мужчине из Ухты». Порой даются просто прозвища: «Мартышка Локка» или Мария «Деревенский столб», Рюся.

Том, обозначенный как «Ед. хр. 1», самый объемный, состоит из 406 листов, в нем собраны сведения о 72 карельских сказителях. Во II единице хранения 31 лист, и список включает 20 имен. В 4-м томе, датированном 1947–1951 гг., приводится информация о 50 информантах на 90 листах. 5-й том самый маленький, в нем представлен список экспедиций за 1927–1941 гг. 6-й том 155-й коллекции (на котором мы и остановимся подробнее) состоит из 111 листов, называется «Автобиографии и биографии карельских сказителей». Записи в нем относятся к периоду с 1936-го и до начала 1941 гг., то есть когда уже был организован Карельский научно-исследовательский институт и в Карелии началась активная запись рунопевцев и сказочников. Первоначально сказителей приглашали в Петрозаводск для записи на пластинки, а затем уже и на магнитофонную ленту. Но так как все эти технические новшества были в ограниченном количестве, на них записывались только самые крупные и, с точки зрения того времени, самые ценные жанры — руны, сказки, при-

читания, песни. Автобиографический материал, естественно, на пленку не записывался. Фиксировался только в рукописном виде, в ограниченных объемах, а потому особо ценен. До сих пор он нигде не опубликован, а тем более не исследован. С грамотными исполнителями велась переписка, но это уже было больше свойственно 1940—1950-м гг. А в 1930-е гг. весь биографический материал фиксировался самими собирателями от руки.

В 6-м томе 155-й коллекции собраны сведения о 33 исполнителях, все они преклонного возраста, от 60 до 80 лет. В основном из Южной Карелии, ливвики; трое из Шелтозерской волости, шестеро из Северной Карелии; 17 мужчин и 16 женщин. Биографический материал представлен в двух видах: чаще как биографии, реже это автобиографии, в некоторых текстах встречается и то, и другое. При этом следует учитывать, что здесь деление на биографии-автобиографии весьма условное, так как материал практически всегда записывался собирателями со слов исполнителя. Вполне вероятно, что интервьюер не всегда стремился фиксировать все дословно, со стопроцентной точностью, иногда допуская и собственную, пусть и минимальную, интерпретацию высказываний. В 23 случаях это печатный вариант, в 6-ти — только рукописный, в 4-х — присутствуют оба вида оформления. 20 биографий даны на русском языке, хотя, скорее всего, они изначально были на карельском. Четыре биографии представлены только на языке оригинала, девять — на двух языках, карельский язык передается кириллицей. Собиратели большинства текстов неизвестны, трижды встречаются подписи Титковой и Беловой, дважды Самсонова, по одному разу — Чаккиева, Ананиной, Пергамент и Кисья.

Собранный биографический материал неравнозначен по объему и содержательности. У некоторых он составляет полстраницы, у других может достигать и 4—5 страниц. Репертуар сказителей, включенных в коллекцию, далеко не однозначен. Среди них есть очень известные исполнители рун: как севернокарельские (Ремсу Мария Андроновна, Хотеева Маури Максимовна, Хауринен Кирилл Петрович, Хямяляйнен Евгения Ивановна, Прохоров Ефрем Сергеевич, Малинин Хотатта Иванович), так и южнокарельские (Богданова Агафья Евдокимовна, Гаврилова Екатерина Григорьевна, Гордеев Василий Архипович, Зайцева Александра Ивановна, Патчиева Мар-

фа Матвеевна, Прокопьев Павел Терентьевич). Встречаются в коллекции и неточности. Например, Прокопьев Павел Терентьевич назван Павлом Прокопьевичем, и год рождения записан 1874, а не 1872.

По всей видимости, существовала анкета или единый опросник, по которому собиралась информация. Но эти первые советские биографии все же политизированы еще в малой степени. Особенно на автобиографиях лежит очень яркий личностный след респондента. Ситуацию от сухости и выхолащивания спасало то, что практически все информанты были неграмотны, не политизированы и даже не социализированы. Их гораздо больше интересовала семейная история, чем государственная, а также собственный репертуар, который стал не только поводом для поддержания беседы деревенскими вечерами, но и фольклорным богатством с точки зрения далекой науки. Хотя, безусловно, некий социально-политический заказ государства существовал. К примеру, собирателям рекомендовалось обходить стороной дома, в которых кто-либо подвергся раскулачиванию или иным репрессиям, и записывать у беднейших представителей крестьянства. Поэтому даже рассказы 30-х, возможно, в чем-то тенденциозны и дают несколько одностороннее представление о жизни карельской деревни, да и обо всей эпохе. Но это тоже одна из страниц нашей истории.

Удалось обнаружить уже послевоенную анкету, датированную 1947 г. Сегодня в ней поражает то, чем в первую очередь должны были интересоваться собиратели фольклора с точки зрения государственных органов.

Анкета 1947 года

1. ФИО
2. Пол
3. Год рождения
4. Место рождения
5. Национальность
6. Происхождение
7. Основные данные в настоящее время
8. Партийность
9. Образование

10. Был ли за границей
 - а) с какого времени по какое
 - б) в какой стране
 - в) цель пребывания
11. Находился ли на территории, временно оккупированной финнами, немцами в ВОВ
 - а) где
 - б) когда
 - в) кем работал
12. Какие награды имеете
 - а) когда награжден
 - б) кем, за что
13. Домашний адрес

Но большинство биографических рассказов освещает совершенно иные темы. Коротко остановимся на самых интересных пунктах. Изучив биографии, можно прийти к выводу, что практически все сказители происходили из очень бедных семей, к концу 1930-х гг. были неграмотными. Основным языком общения был карельский. Наиболее ярко все описывают детские годы, наполненные голодом, лишениями и тяжким трудом.

Варламова Евдокия Естафьевна говорит, что с детства работала нянькой у чужих, в школу не ходила, так как «нечего было на ноги одеть», работала с восхода до захода солнца. Вилканен Александра Карповна «в школу не ходила ни дня, тогда у нас школ не было», с десяти лет нанялась домработницей. Иванов Иван Тимофеевич с девяти до двенадцати лет был в няньках в деревне, потом в пятнадцать лет в слугах и еще два года в пастухах до армии. Исаков Андрей Константинович, 1888 г. р., рассказывает: «Мой отец от отца остался двенадцати лет и две сестры остались. Он не в состоянии был платить налоги, поэтому отобрали у него и то малое количество полей. Потом он батрачил. С момента моего рождения отец работал у кулаков, кормил нас двоих, меня и мать». Зайцева Александра Ивановна, 1866 г. р., сообщает, что также родилась в семье батрака, ее в лес стали брать с двенадцати лет, жечь деревья и делать пожоги. Климов Василий Иванович говорит, что сестры с двенадцати лет уже работали в няньках и батрачили. «Так как был мой отец бедный, учиться нам не пришлось. В каждой деревне тогда школ не

было, а были только при волости... Отец в городе на плохой лошаденке возил дрова, а мы (четыре сына) пилили их по ночам. По дням мы просили (милостыню). На лето приходили домой. С двенадцати лет отец отдал меня в пастухи». Клопов Александр Христофорович с девяти лет был пастухом, а зимами «водил слепого старика, ходили просить, три рубля получал в зиму жалованье». Малинин Хотата Иванович с девяти лет ловил рыбу неводом со взрослыми мужиками. Малинина Анна Сидоровна рассказывает, что «чуть подросла — и в няньки, с десяти лет батрачила только за хлеб». Машкина Пелагея Егоровна говорит, что «жили очень бедно. С девяти лет пошла из вербы лыко драть, сетки вязать. Работали мы очень много, всего пришлось попробовать... Когда мне было шестнадцать лет, пошла я в деревню работать кухаркой у богатых. Много горя я терпела...». Мякишев Василий Федорович, один из немногих, «в школу ходил с десяти лет полтора года». Потом с двенадцати лет работал на лесозаготовках и погонщиком на канале. Патчиева Марфа Матвеевна «с четырнадцати лет ходила на уставные работы, рыбачить. С пятнадцати лет — служанка у чиновников в Олонце». Прохоров Ефрем Сергеевич с семи лет работал пастухом, а зимой «ездил по Финляндии, просил хлеба по домам. Отец собирал конские кости». А в четырнадцать лет «отец выгнал из дому, когда народилось много детей». Здесь невольно вспоминаешь сюжеты сказок, чаще бытующие в западноевропейских странах и не свойственные карельскому фольклору.

Соболь Василий Андреевич родился в семье середняка. Но жизнь от этого не оказалась легче. Когда ему было полтора года, умер отец. «Мать вышла за другого. Остался я с бабушкой, которая собирала куски и тем кормила меня. С пяти лет сам пошел просить, так как бабушка уже не могла ходить. До десяти лет тем кормил бабушку. Как только умерла бабушка, мне стало стыдно просить милостыню, а на работу никто не берет, в школу — и думать нельзя!» Пошел он батрачить в Питер. И насколько целеустремленным был этот мальчишка, как тянули назад крестьянские корни! Он накопил денег к восемнадцати годам, вернулся в родную деревню, купил жеребенка, взял землю, женился (а жена принесла в приданое корову и овцу) — и «вот я уже полный крестьянин!» — радостно сообщает Василий Андреевич.

Известный сказочник и рунопевец Тимофей Ефимович Туруев говорил, что учился два года. «В восемь лет отец отдал в школу.

Школа была маленькая, земская, в частном доме. Я в школу ходил днем, а ночами вязал сети для отца. В школе учился очень хорошо, память была хорошая. Учитель хотел, чтобы дальше учился, но у отца средств учить меня не было». С десяти лет отец взял возить бревна, жили в землянках, «грязные как черти». Сил не хватало, отец очень часто избивал до беспомощности. С четырнадцати лет пахал. «Летом пахал, весной и осенью рыбу ловил, а зимой лес рубил».

Хямяляйнен Евгения Ивановна осталась после смерти отца семилетней, кроме нее было еще четверо младших детей. «Урожаи были плохие. Жили просьбой. Ели солому. С восьми лет работала у кулака. В школу ходить не было возможности. Школа была в восьмидесяти километрах от деревни». Но в двадцать пять лет, еще до революции в 1907 г., она пошла вольным учеником в народную школу. И долго проработала учительницей.

Из всех этих рассказов, у кого более эмоционально окрашенных, у кого довольно сухих, складывается яркий портрет не только отдельных детских судеб, но и всего деревенского уклада конца XIX в., портрет предреволюционного времени. В биографиях многих мужчин особое внимание уделено службе в царской армии, Первой мировой и Гражданской войнам, революции. Очень подробно рассказывают И. А. Вузаев, И. Т. Иванов, А. К. Исаков, В. И. Климов, В. Ф. Мякишев, В. А. Соболев, Т. Е. Туруев, П. Н. Уткин. Все эти события оставили глубокий след в жизни деревенских мужчин. Появились новые яркие впечатления, познакомились с интересными людьми, выучили русский язык, узнали фольклор других народов. И между тем многие говорят о тяготах армейской службы. На этих рассказах нет налета официоза, они очень правдивы. Без утайки говорится о том, что были в плену (В. Ф. Мякишев) или служили у белых (П. Н. Уткин), у англичан, видел расстрел коммунистов (В. И. Климов). П. Н. Уткин рассказывает о действиях красных карательных отрядов в Кронштадте. В. А. Соболев сообщает, как обрадовался началу революции и приходу красных.

В этих биографиях мы видим весь трагизм человеческих судеб в начале XX в. Они просто поражают своей правдивостью и искренностью, безграничным доверием к новой советской власти! Позже, в годы бессмысленных сталинских репрессий, многие карельские деревни потеряют своих самых умных, честных и трудо-

любивых представителей мужского населения. Т. Е. Туруев рассказывает: «В царской армии и голода, и холода, и горя хлебнул — держали, как собак. Вши с палец толщиной у всех!» После революции отпустили домой. С 1918 г. он был председателем сельсовета. Потом пришли белые, хотели расстрелять, «и местные кулаки этого требовали. Пришлось вступить в ряды белой армии, так как испугался расстрела». Потом пришли красные, и снова надо было оправдываться... И все это не сломило людей, они смогли сохранить лучшие черты своего характера, желание жить и творить.

Одним из пунктов анкеты в биографиях, видимо, было: состоит ли человек в колхозе. И здесь ответы очень честные. Хотя большинство, конечно, являлись членами колхоза. А. О. Богданова говорит, что она одна в деревне не вступила в колхоз, который был организован в 1930 г. Вслед за тем выгнали и мужа. И. Т. Иванов сетует, что всю жизнь приходилось тяжело трудиться, «раньше косил для богатеев, теперь приходится на Кареллес». Когда организовали колхоз, они всей семьей вступили, отдали все имущество туда, год работали, но ничего не заплатили, и он ушел, «потому что моя работа не ценилась». И. А. Вузаев сообщает: «Теперь у меня домик, жена и четверо детей, работаю в колхозе, зарабатываю мало и тоже не могу хорошо воспитывать детей. Старший сын не захотел учиться, не в чем ходить...».

Но кто-то и с гордостью рассказывает о членстве в колхозе, о своих должностях. Например, известная сказительница Е. Г. Гаврилова сообщает, что она «делегатка и член сельсовета. Уже семнадцать лет, выполняю всю нагрузку, хоть и неграмотная. Член животноводческой секции уже пятый год и член колхозной ревизионной комиссии. В прошлом году была членом колхозного правления, теперь не член, но на каждое заседание приглашают, и я хожу».

Порой тенденциозность проскальзывает даже в стилистике биографий, особенно записанных со слов сказителей самими собирателями. Чувствуется, что интервьюеры, в отличие от бесхитростных деревенских жителей, уже знали, что и как следует говорить. Например, про П. А. Еремееву сообщают: «Сейчас живет со вторым мужем и детьми в колхозе, ничего, хороший работник, по словам колхозников». Про И. И. Савинова: «В настоящее время живет в колхозе довольно хорошо. Работает сторожем. А при цар-

ском правительстве отец и мать Савинова жили бедно, часто не могли кормить даже своих детей». По всей видимости, следовало отразить и условия проживания сказителей. Про одних написано: «в доме чисто и уютно», о других: «живут в маленькой комнатухе, которая в культурном отношении очень отсталая». В каждой биографии есть подробная характеристика репертуара сказителя, где менее, где более подробная. Причем подробность не зависит ни от количественного, ни от качественного состава репертуара.

Известный сказочник И. А. Вузаев делает удивительное по точности замечание: «Сказки узнал в германскую войну, лежал в лазарете в Костроме. Один украинец сказывал много сказок, но я уже позабыл. Те сказки уже забываются, а своих много. Сказки редко рассказываю, иногда своим ребятам или как соберутся на беседу». Е. Е. Варламова сообщает: «Я знаю две сказки — “Олешка” и “Старик Ондрей Семенович”. Остальные хорошо не помню. Знаю старинные песни: “Добросовестные ребята”, “Как родная меня мать провожала”, “Кругом, кругом я сиротела”. Остальных песен не помню. Знаю следующие вирзи¹⁶: баня-вирза, вирза о благословении, вирза о вставании со сна, вирза о провожании покойника, вирза о смерти. Хочу сочинить вирзу о Ленине».

Очень многие сказители были не только носителями традиционного фольклора, как принято это говорить, не только импровизаторами, но и творцами новых текстов. Причем они совершенно не преуменьшали ценности собственных сочинений в сравнении с народными произведениями. В 30-е гг. активно поощряли сочинительскую деятельность и сами собиратели; это время ознаменовалось появлением жанра новин, особых эпических песен на современную социально-политическую тематику. А. К. Вилканен сообщает, что «песни и сказки слыхала раньше на свадьбах». Е. П. Гаврилова, известная сказительница, «руны выучила от бабушки, маминой мамы. Сказки и старинные песни — от народа. И даже переводила русские на карельский язык». П. А. Еремеева говорит, что научилась плачам, так как жизнь была очень тяжелой. А собиратель добавляет: «Когда она причитывает, то лучше плача на всей земле нечего и искать». И. Т. Иванов сказки выучил в пятнадцать лет. Ходил с мужиками лес пилить, там и научился, рассказывали друг другу. И когда слугой работал, монахи ходи-

¹⁶ Карельское “virzi” означает “плач, причитание”.

ли из монастыря в монастырь и рассказывали... Сам сказки всегда рассказываю, кто только попросит, и люблю сказки рассказывать. Рассказываю и знакомым, и в дом приходят — всем рассказываю». Далее Иван Тимофеевич перечисляет несколько названий и делает приписку: «Но знаю и больше сказок, если не нравятся эти сказки. Знаю бывальщины и песни». А. К. Исаков сообщает, что большинство сказок слышал мальчиком от дяди. По вечерам, когда делать нечего, собирались, женщины прядут, мужчины вяжут сети и тут рассказывают сказки. На сплаве, в лесных бараках после работы много рассказывают. Сам тоже рассказывал другим, что знал. Другой и не знает той сказки, хоть много знает. Следующий опять расскажет новую какую-нибудь. И так у меня собралась полная голова сказок».

Импровизационную особенность причетной традиции подчеркивает А. И. Зайцева: «Песни выучила от старших девушек, а плачи — от женщин, да еще и у самой бывают обидные времена, тогда и приходят». В. И. Климов говорит, что «научился сказкам», «работая на отхожих промыслах (на сплаве, лесозаготовках)... Большинство сказок я перенял от заонежанина-старика». К биографии А. Х. Клопова прилагается список из двадцати одной сказки. М. И. Морозова «сказки слыхала дома от своей бабушки (и далее шестнадцать названий). Знаю загадки, причитания и несколько песен. Знаю еще несколько сказок, но не помню названий».

Любопытная запись сделана собирателем про Х. И. Малинина: «Дети его — известные певцы и отец тоже. Знает исключительно интересные и старые песни, которые слышал в лесу от охотников. Знает руны от отца. Выступал на местных и семейных вечеринках. Умный, пытливый и сознательный, бодрый старик. Никогда и никем не был записан». И таких носителей фольклорной традиции, от которых не было записано ни строчки, наверняка было множество. В качестве такого примера я могу вспомнить свою бабушку Иванову (дев. Стафеева) Анну Алексеевну (1905 г. р., д. Топорное Ведлозерского с/с), которая знала множество сказок, старинных карельских песен, верований, применяла в быту заговоры, лечила детей и внуков. Но собиратели к ней пришли, когда ей было уже за восемьдесят, и память уже, к сожалению, не сохранила большие фольклорные тексты.

Песенная традиция К. П. Хауринена «идет с давних пор. Пела вся семья, и дедушка, и бабушка. Руны Калевалы еще в молодости выучил от дедушки Павла, который жил 114 лет... Он очень ценный сказитель по материалу. Один раз приезжал в Петрозаводск, где от него записано несколько рун. Хауринен уже физически слаб. Он плохо слышит, видит и понимает. В музыкальной жизни Ухты принимать участие ему не приходилось. Только один раз выступал в доме культуры. Имеет собственные импровизации. Исполнение носит сказовый характер».

Бабушка и мать А. С. Малининой «много пели и рыбачили. Умели заговаривать кровь. Сама Малинина тоже умеет останавливать кровь и знает заклинания. Постоянно выступает вдвоем с Летиевой на два голоса на свадьбах и вечеринках». Ф. В. Минин сообщает, что знает «сорок сказок, загадок и колдовство. Сам выдумал одно стихотворение». В списке В. Ф. Мякишева пятьдесят три сказки. Про М. М. Патчиеву сказано, что она «слыхала очень много сказок и песен на разных работах... И если что слыхала, то все помнит. Записано десять сказок, песни, былины, загадки». П. Т. Прокопьев «сказки впервые слыхал от отца. Он был хороший знаток сказок. Я был очень восприимчив в сказках. В сказках я всегда исправляю и делаю красивее плохие места, прибавляю от себя новую жизнь. В дальнейшем надо сказать сказку о Ленине и Сталине, рассказать в сказках про эту веселую жизнь. Это мое пребывание в Петрозаводске (сказители приглашались для записи и для выступления — И. Л.) дало больше всего: я теперь все больше стал понимать значение сказок и былин». Е. С. Прохоров «в молодости знал до пятисот загадок, песен и сказок. Исполняет с большой четкостью. Постепенно все больше воодушевляется. Чувствуется настоящий мастер, относящийся с любовью к своему делу. Сам импровизирует песни». О М. А. Ремсу собиратель пишет, что она «любит и сказки, и руны с детства. Первые сказки и руны слышала от матери и от старухи Ирины Лежеевой из Войниц, которая жила у ней на подворье. За последние годы она собирала руны у всех, кто их знал. Записывала руны ее дочь, но они сгорели во время пожара. Она поет руны и рассказывает сказки за прялкой. Выступает в избах. Гордится хорошей памятью и знанием рун, песен, сказок». В прилагаемом списке сорок одна сказка. И. И. Савинов «знает много сказок, из которых мы написали шесть, и еще осталось. Он хорошо, без всяких уговоров расска-

зал все, что знал, и его сказки являются популярными для той деревни». В. А. Соболев «сказками очень интересовался, спрашивал у стариков, запоминал. И на германском фронте много слышал, все выучил, но много забыл». Еще раз подчеркивается тенденция прекрасно помнить только то, что услышал в детстве, «впитал с молоком матери». От Т. Е. Туруева, пожалуй, самого грамотного сказителя тех лет, «в 1938 г. в Институте записано двадцать три сказки и десять былин. Составил сам былинку о Чапаеве...», его возили в Москву. Он хорошо говорит по-русски, в рассказе обращают на себя внимание две интересные детали: во-первых, что «сказки и былины, в основном, читал в книгах, но некоторые слышал и в рассказах. Память была очень хорошая, быстро запоминал и сказки, и былины». А во-вторых, «сказки рассказываю мужчинам в лесу и на рыбной ловле по-русски, а женщинам — по-карельски». То есть, степень владения русским языком отличается и в гендерном плане. Про А. И. Ананину собиратель сообщает: «Очень подвижная, моложавая для своих лет женщина. Очень любит рассказывать сказки, а также петь руны. Репертуар у нее обширный. Память превосходная. Рассказывает с удовольствием. К ней часто собирается местное население слушать сказки. Обыкновенно ее сказки и песни, за исключением очень редких случаев, носят цензурный характер. В них нет так называемой сальности и цинизма. Часто рассказывает она свои сказки перед большим сборищем публики, например, до собрания, или во время перерывов на суде, а также на вечерах в избе-читальне. Давно, когда она была еще дома, девушкой лет двадцати, у нее записывали руны финские собиратели рун. Фамилии собирателей не знает. Обещается, если умеет сложить, что-либо на новые темы. Есть смысл выписать для записи в Петрозаводск или по приезде в Киймасозеро в первую очередь у нее произвести записи. Сказки записать не удалось, так как за то время, пока она была свободна, удалось записать только руны, сказки рассказывает быстро, записывать очень трудно».

Таким образом, складывается как бы двойной портрет сказителя. С одной стороны, представлен собственный взгляд на свою жизнь и фольклорный репертуар, а с другой стороны — высказаны точка зрения и мнение сказителя.

И еще хотелось бы обратить внимание на одну особенность именно автобиографий. В них есть тема, которая особенно удив-

ляет и является веянием того времени. Сказители настолько поражены изменениями в своей жизни и с такой благодарностью относятся ко всему происшедшему не только в государственной, но и в личной жизни, что не могут удержаться от совершенно искреннего восхваления происходящего. Это просто своеобразная фольклорная ода в пяти автобиографиях!!!

В. И. Климов говорит: «Будучи на сплаве и лесозаготовках, все нужно было греться у огня. И спали помалу. А теперь я вижу, какие хорошие и теплые бараки построены для рабочих. Всей этой прекрасной жизни мы добивались под руководством дорогих вождей Ленина и Сталина. Мы и во сне не видели такой жизни, какая сейчас есть!» Ему вторит М. М. Хотеева: «Я за то благодарна, что живу при Советской власти. И живем так хорошо, что нет ни в чем нужды. Раньше надо было двадцать верст тащить мешок с хлебом, а когда приносили на берег, то богатые брали в первую очередь, а сейчас в деревенском магазине хлеба вдоволь. И еще за то я благодарна, что сыновей смогла выучить, и один уже в Красной Армии. Не тужу из-за этого, еще и второго бы отдала, если бы взяли, да молод еще. Очень хорошо то, что электричество дали. Раньше ведь одному человеку приходилось постоянно лучину строгать, да потом лампы керосиновые появились. А сейчас не надо об этом думать, раз свет горит».

П. Е. Машкина: «...раньше были такие времена, что часто я думала — убью себя. Но когда стала Советская власть укрепляться, дети мои поступили в колхоз и стали мне помогать, а я и сама еще работаю. И теперь я небогато живу, но всегда сытая. Сказки и песни я узнала у людей. И мать моя, хотя была бедная, пела. А меня теперь почти, куда ни спросят, на все готова идти, не протестую. И на спектакли, и везде хожу. Все время бойкая и веселая была, а теперь при Советской власти и жизнь лучше стала. Скоро будет два года, как мне отдали ключи от церкви. Церковь я открываю по большим праздникам. Утром в церковь хожу, а вечером на спектакли. Если раньше, куда сказки сказывать собирались, я первая была. Да, жила я раньше плохо, из мха хлеб пекла, старшие дети плохо учились, а младший сын учится. Раньше мне было очень-очень трудно, а теперь хорошо живу. Всего есть, только работаю и работаю».

Особое впечатление на сказителей произвело то, что впервые обратили внимание на их репертуар и высоко оценили его. Ока-

залось, что их знания и мастерство — великая ценность в глазах ученых, их пригласили в Петрозаводск и даже в Москву. Их самооценка неожиданно поднялась на небывалую высоту. И эти изменения они тоже связывали с Советской властью. П. Т. Прокопьев говорит: «Раньше мы не могли попасть в школу. Беднякам нельзя было учиться, школы были далеко. Раньше мы, простой народ, никуда не ходили. Знали быть лишь на лесозаготовках. А теперь любо жить в колхозе. Придет же добра по трудодням, кто хорошо работает; есть же в деревне изба-читальня, хорошие школы; в деревне семь учителей, строится новый клуб. На колхозных полях работают тракторы, с города ездят автобусы. Мы теперь в город можем ездить в любое время. Теперь нам показали всего хорошего: на каждом месте гостем держали, лучше всего нас встречали в городе в этот раз. Теперь мы не будем с насмешкой смотреть на это дело, как мы раньше смотрели!»

В декабре 1938 г. Т. Е. Туруев ездил в Москву и Ленинград. «Это была поездка, о которой и мечтать не мог. Нам показали огромные достижения родного Сталина и Советской власти. Я раньше и не представлял, что смогу увидеть это. Благодаря Советской власти и руководству родного Сталина из темных мужиков сделали культурных людей и показали центры культуры в Советском Союзе!»

Таким образом, проанализировав биографический материал, содержащийся в шестом томе 155 коллекции, можно сделать вывод, что в 1930-е гг. фольклор записывали у выходцев из беднейших слоев населения. Практически все сказители были неграмотны. Не все, особенно женщины, говорили по-русски. Но все тридцать три человека, являясь носителями фольклорной традиции, хранителями бесценного интеллектуального богатства карельского народа, были совершенно особой частью деревенской общины. Их отличали пылливый ум, прекрасная память, целеустремленность, восприимчивость и повышенный интерес ко всему новому, мудрость, которую они впитали из древних фольклорных произведений. Все это, безусловно, наложило отпечаток и на их воспоминания о прожитой жизни, и на восприятие новой советской действительности, в которой многим из них было отведено почетное место. Поэтому, исследуя этот интереснейший материал, необходимо учитывать очень важный фактор: из биографических и автобиографических рассказов мы узнаем не только

то, как жили люди в карельской деревне, но и как они воспринимали и интерпретировали те или иные события, свидетелями которых стали.

Живой интерес ученых, активная собирательская деятельность, внимание, почет и материальная поддержка, которую оказывали сказителям, — все это, безусловно, хотя бы на время способствовало сохранению фольклорного богатства карелов. И совсем иное влияние на традиционный фольклор оказали другие, не менее позитивные изменения в деревенской жизни. Их результат мы увидели уже позже, начиная с 70–80-х гг. XX в. Повышение уровня грамотности; полный переход в официальной, школьной, а затем и бытовой жизни на русский язык; расцвет книжных знаний — все это способствовало вытеснению традиционных фольклорных жанров из повседневной жизни. Новые грамотные поколения, овладевшие русским языком и забывающие родной карельский, воспринимали руны, сказки и песни как нечто обыденное, ненужное в новой жизни, традиционный фольклор обесценивался в глазах молодежи.

Но время подтвердило точку зрения многих исследователей: существование устного народного творчества бесконечно. На смену одним жанрам неизбежно приходят другие. И сегодня мы в своей собирательской деятельности сталкиваемся с тем, что автобиографические рассказы, устная история заняли место эпических песен и сказок и стали самым распространенным и легко записываемым жанром в карельской деревне.

**МЕТОДИКА И ПРАКТИКА
ПОЛЕВЫХ РАБОТ**

А. Б. Бильдюг, А. Г. Бобров, А. Н. Власов
Санкт-Петербург

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ
ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА ИМ. В. И. МАЛЫШЕВА
В 2009–2011 ГГ.**

Коллекция Древлехранилища Института русской литературы насчитывает почти 12000 книг. Большинство из них – крестьянские старообрядческие рукописи, привезенные экспедициями, начало которым положил основатель Древлехранилища Владимир Иванович Малышев. Традиция ежегодных полевых исследований практически прервалась в 1990-е гг. Когда же в конце 2000-х поездки возобновились, отношение к ним – в том числе и со стороны участников – было довольно скептическим, казалось, что об изучении рукописно-книжной традиции «в поле» уже не может быть речи. Однако практика показала обратное.

В 2009–2011 гг. состоялись четыре совместные экспедиции Отдела русского фольклора и Древлехранилища Пушкинского Дома. Работа велась в деревнях, расположенных по берегам Северной Двины в Архангельской области, на северо-западе Кировской области, на Зимнем берегу Белого моря, в Каргополье.

Полевые исследования проходили по двум направлениям. С одной стороны, работа велась в хорошо известных археографам Пушкинского Дома районах, так что даже небольшие находки дополняли уже накопленный и изученный материал. С другой стороны, экспедиции выезжали в мало обследованные в прошлом районы – те, что ранее не привлекали внимания исследователей на фоне других регионов с более развитой старообрядческой рукописно-книжной традицией.

Первой комплексной экспедицией в череде возобновленных полевых исследований стала поездка на Северную Двину – в Красноборский, Верхнетоемский и Виноградовский районы Архангельской области. Эти территории изучались сотрудниками Пушкинского Дома начиная с 1960-х гг.; здесь работали экспеди-

ции под руководством А. Г. Боброва, В. П. Бударагина, Т. Ф. Волковой, Н. С. Демковой, А. М. Панченко и многих других. В итоге к настоящему времени в Древлехранилище оказалось сосредоточено более полутора тысяч рукописей XV–XX вв., сохраненных или переписанных на Северной Двине. Параллельно с собиранием рукописного материала сотрудниками Института проводилась серьезная работа по изучению северодвинской рукописно-книжной традиции. В результате были выявлены имена старообрядческих переписчиков, переплетчиков и рисовальщиков¹, введены в научный оборот такие понятия, как северодвинские лицевые сборники², пучужские лицевые святцы.

Ныне старообрядческая традиция здесь уже почти угасла. Тем не менее в изучении книжности этих территорий сохраняется преемственность. Приведем один пример.

В Красноборском собрании Древлехранилища находится архив известных северодвинских переписчиков и рисовальщиков, старообрядцев-филипповцев Прокопия Фомича и Николая Прокопьевича Шестаковых. Основная часть архива была передана в Древлехранилище в 1960 г.³, а потом он пополнялся в результате экспедиций 1971, 1983, 1984 гг.⁴ Архив содержит рукописи, переписанные самими Шестаковыми, различные прошения, договоры, рисунки начала XVIII – середины XX вв. Большую часть архивных документов составляют письма⁵.

¹ См., напр.: *Бударагин В. П.* Северодвинская рукописная традиция и ее представители (По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 401–405.

² См., напр.: *Белоброва О. А.* Северодвинские лицевые рукописные сборники XVIII–XIX вв. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 327–330.

³ *Панченко А. М.* Отчет об археографической экспедиции в Красноборский район Архангельской области и в г. Тотьму Вологодской области в 1960 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 427.

⁴ *Демкова Н. С., Сазонова Л. И.* Отчет об археографической экспедиции 1971 г. на Пинегу, Северную Двину, Верхнюю Тойму // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 406; *Бобров А. Г., Шухтина Н. В., Якунина С. А.* Северодвинская экспедиция 1983 г. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 418–419; *Евсеева И. А., Шухтина Н. В., Якунина С. А.* Северодвинская экспедиция 1984 г. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 416.

⁵ *Бобров А. Г., Шухтина Н. В., Якунина С. А.* Северодвинская экспедиция 1983 г. С. 418–419; *Бударагин В. П.* «А красок и туши с книгами пошли...» (Переписка северодвинских крестьян-старообрядцев начала XX в.) // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 364–382.

Во время экспедиции 2009 г. история архива оказалась продолженной. В дар от одной из наследниц Шестаковых экспедицией были получены около 50 единиц хранения, значительную часть которых составляют фрагменты богослужебных сборников. Интересными оказались письма — всего двадцать шесть, среди которых есть письма бытового содержания Н. П. Шестакова своему отцу, письма Ф. Ф. Смирнова своему зятю Н. П. Шестакову и другие.

Находка в доме Шестаковых оказалась большой удачей экспедиции и прекрасно дополнила уже имеющиеся в Красноборском собрании Древлехранилища материалы этой семьи мастеров книжного дела.

Похожая история произошла в Каргопольской экспедиции А. Г. Боброва⁶. Отдельный экспедиционный сюжет начался со знакомства с частной коллекцией книг одного из жителей Каргополя. Особый интерес в этом собрании вызвали книги с записями северодвинского книжника, жителя д. Середовина Красноборского района Архангельской области Андрея Пионовича Осиева / Асиева.

Андрей Пионович был человеком весьма начитанным и владел значительным книжным собранием, причем очень любил оставлять на книгах подробные записи различного содержания, благодаря чему можно реконструировать как его судьбу, так и судьбу его библиотеки. Некоторые книги А. П. Осиева в свое время в составе коллекции В. М. Амосова из с. Борок на Северной Двине попали в Древлехранилище Пушкинского Дома, но следы основной части его собрания на время затерялись⁷. Как выяснилось позже, основная часть библиотеки Осиева попала в собрание принадлежавшей к филипповскому согласию Марии (в старообрядчестве Надежды) Спиридоновны Бурмагиной из с. Топса Виноградовского района Архангельской области. Значительная часть коллекции М. С. Бурмагиной, в свою очередь,

⁶ Исследование рукописно-книжной традиции Каргополя на протяжении 60–70-х гг. прошлого века осуществлялось сотрудниками Библиотеки Академии наук (БАН). В результате археографических экспедиций в Отделе рукописей БАН было создано территориальное Каргопольское собрание. В последние десятилетия археографы БАН перестали исследовать этот регион.

⁷ Бударгин В. П. 1) Северодвинские находки // ТЮДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 356–357; 2) «А красок и туши с книгами пошли...» С. 380–381.

поступила в Древлехранилище ИРЛИ благодаря бескорыстной спонсорской помощи японского профессора Ацуо Накадзава в 2001 г.⁸ Оказалось, что значительная часть книжного собрания А. П. Осиева перешла в собственность М. С. Бурмагиной: на 13 книгах сохранились его собственноручные пометы с 1916 по 1959 г. При этом на некоторых книгах (среди них и Псалтырь, изданная Иваном Федоровым) он указывает их прежнего владельца, инока Иону Белослудского (в миру Ивана Кузмича Сметанина), арестованного в 1936-м и умершего в 1937 г.

Теперь же – в 2011 г. – еще одна часть библиотеки А. П. Осиева оказалась найденной в коллекции одного каргопольского жителя, собирателя древностей. Оказалось, что туда она попала от последнего старообрядца-филипповца Каргополья Михаила Юрьевича Орловского (1948–2010), который в свое время приобретал эти книги у М. С. Бурмагиной на Северной Двине. Хотя книги из библиотеки А. П. Осиева, находящиеся сейчас в Каргополе, пока не соединились с другими изданиями в Древлехранилище Пушкинского Дома, их обнаружение позволило выйти на следы книжного собрания М. Ю. Орловского и приобрести для Пушкинского Дома происходящие из него семь рукописей XVII–XIX вв.

В приведенных выше примерах полевой работы речь шла о тех районах, где старообрядчество ушло в прошлое. В таком случае значительно возрастает роль камеральной археографии. По словам местных жителей, рукописи за 1990–2000-е гг. в основном были вывезены «старьевщиками», часть, однако, счастливо осела в местных музеях и доступна исследователям. Так как не все хранящиеся там материалы имеют надлежащее описание, то еще одна сторона археографической работы экспедиции заключалась в том, чтобы ознакомиться с фондами музеев и, при необходимости, сделать подробное описание рукописей. Так, были выполнены описания отдельных рукописей музея Верхней Тоймы и Пучуги, где собраны небольшие, но довольно любопытные для изучения северодвинской рукописной традиции коллекции книг с многочисленными владельческими записями; удалось ознако-

⁸ Результатом экспедиции 2001 г. в составе А. Г. Боброва, В. П. Бударagina, А. Н. Левичкина и А. Накадзава стало приобретение 159 рукописей и 88 старопечатных книг XVI–XX вв.

миться с рукописями Черевковского филиала Красноборского историко-мемориального и художественного музея им. С. И. Тупицына, с материалами Красноборского архива. Сотрудниками экспедиции также было выполнено описание рукописей Православной библиотеки Музея православной культуры и быта, созданного о. Александром (Зининым) в г. Новодвинске. В собрании музея находятся 24 рукописи XVII–XX вв.

Совсем по-другому строилась исследовательская полевая работа в малоизвестных для Пушкинского Дома районах с живой старообрядческой культурой.

В 2011 г. состоялась экспедиция в Мурашинский и Опаринский районы Кировской области, предварительно согласованная с коллегами из Библиотеки Академии наук, работавшими на Вятке долгие годы⁹. В этих двух районах экспедиция БАН была лишь однажды, в 1969 г., и оставила довольно скудные сведения о местной рукописно-книжной традиции. Оставалось неизвестным, относится ли она к южной Вятке или тяготеет к хорошо знакомым археографам Пушкинского Дома северным областям — Архангельской и Вологодской.

В результате экспедиции 2011 г. в дар Древлехранилищу были переданы печатное Евангелие типографии Мамоничей 1600 г., 21 рукопись и 16 писем. Основную часть рукописей составляют богослужбные сборники второй половины XIX — нач. XX в. Две самые ранние рукописи, которые удалось получить в дар для Древлехранилища, — это Месяцеслов, датируемый по пасхалии 1773 г., и эсхатологический сборник последней четверти XVIII в. Среди поступлений особый интерес представляют рукописи работы местного переписчика Марка Андреевича Лузянина (1908–1995). В дар были переданы также письма — переписка родственников-староверов за 1987–1990 гг.

Но особенно удивительным оказалось письмо более раннего времени, найденное случайно в одной из печатных книг. В нем говорится об «иконописце Егоре Игнатевице на Двине в Нижней

⁹ В результате многолетней экспедиционной работы в Библиотеке Академии наук было сформировано Вятское собрание, которое теперь насчитывает более 1000 единиц хранения, а при Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета, который также начал изучение этого региона с 1978 г., появилось Кировское территориальное собрание.

Тоиме»¹⁰. Упоминание имени северодвинского переписчика еще раз подтвердило правомерность гипотезы о связях, существовавших между поморцами Мурашинского района и старообрядцами севера. Однако отметим, что содержание перечисленных выше рукописей пока не проанализировано нами в этом отношении, и как кажется в первом приближении, тексты могут быть характерны как для юга Вятки, так и для северных поморских областей.

Пока мы так и не смогли ответить на поставленный вопрос о самостоятельности и связях местной рукописно-книжной традиции. Но можно с уверенностью сказать, что книжная культура этих районов мало похожа на традиции Малмыжского, Нолинского и других южных районов Вятки¹¹. Возможно, все эти рукописи были созданы в Орловском уезде Вятской губернии, который был центром старообрядчества даниловского согласия.

Отметим один очень любопытный момент в рукописно-книжной традиции современных старообрядцев — появление новых форм бытования богослужебных и четьих текстов — в ксерокопиях. Возникает вопрос о способах описания подобных феноменов современной старообрядческой культуры. Еще одна сложность появляется при описании электронных копий рукописей. В условиях живой старообрядческой традиции многие из книг постоянно необходимы их владельцам для богослужения и чтения, но при этом они охотно разрешают переснять их. Вопрос решается созданием базы данных фотокопий рукописей, но неясными становятся правовая возможность пользования такими рукописями, а также возможность ссылки на имя владельца рукописи.

Подведем некоторые итоги. Экспедиции 2009–2011 гг. Института русской литературы проходили по двум направлениям. Первое направление охватило районы, хорошо изученные археографами Пушкинского Дома. Для этих экспедиций характерна работа по поиску конкретных материалов, конкрет-

¹⁰ Годы жизни Е. И. Меньшикова — 1866–1930. См.: *Бударагин В. П.* Северодвинская рукописная традиция и ее представители... С. 403.

¹¹ *Амосов А. А., Бубнов Н. Ю., Петрова Л. А.* Полевые поиски на Вятке археографов БАН СССР в 1986–1988 гг. // *История книжной культуры Южной Вятки: Полевые исследования. По материалам археографических экспедиций 1984–1988 гг.* / Под ред. А. А. Амосова и Р. Г. Пихои; Сост. А. А. Амосов, Н. Ю. Бубнов, М. Г. Казанцева и др. Л., 1991. С. 27, 31.

ных имен, конкретных рукописей, а также большая роль камеральной археологии. Второе направление связано с новыми для Древлехранилища районами с живой старообрядческой традицией. В этом случае основная работа состоит в выявлении имен местных переписчиков, переплетчиков, изучении истории рукописно-книжной культуры, взаимосвязей ее с уже исследованными традициями, возникают вопросы о новых формах хранения традиционного материала и формах хранения материалов нового типа.

С. М. Лойтер
Петрозаводск

**К ВЫХОДУ «НЕИЗДАННЫХ МАТЕРИАЛОВ ЭКСПЕДИЦИИ
Б. М. И Ю. М. СОКОЛОВЫХ.
ПО СЛЕДАМ РЫБНИКОВА И ГИЛЬФЕРДИНГА»:
ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ**

Как уже упоминалось, 21 марта 2012 г. на пятом научно-практическом семинаре в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН с докладом «Коллективная запись фольклорного текста (критическая текстология)» выступала доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы РАН Валентина Александровна Бахтина. Мы с огромным интересом слушали доклад высокого профессионала. И еще мы созерцали обаятельную, элегантную женщину. Ничто не предвещало трагедии. А она случилась. Через полтора месяца Валентины Александровны не стало. Хорошо, что доброе слово о своей большой недавно вышедшей работе Валентина Александровна услышала при жизни. Этот доклад посвящается ее светлой памяти.

Выход в свет «Неизданных материалов экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга»¹ — важное событие для отечественной фольклористики и фольклористики Карелии, в частности, событие для текстологии фольклора. Как известно, собиратели своей основной задачей считали изучение состояния эпической поэзии через 60 лет после ее первооткрывателей. Главный итог экспедиции братьев Соколовых, во имя которого она и

¹ Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2-х т. / Вступ. ст., подг. текста, науч. ком., справ. аппарат В. А. Бахиной; Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького РАН. М.: Наука, 2007.

Т. 1: Эпическая поэзия. 2007. 629 с.; Т. 2: Народная драма. Свадебная поэзия. Необрядовая лирика. Частушки. Сказки и несказочная проза. Творчество крестьян. М., 2011. 768 с.

затевалась, — это записанные 370 былин от 135 сказителей, среди которых встречаются тексты прекрасной сохранности сюжета и былинной поэтики, тексты «классической гильфердинговской эпохи», тексты, записанные впервые, и тем самым дополняющие репертуар, известный Рыбникову и Гильфердингу; повторные записи, важные для наблюдений о роли личности сказителя, о технике и манере былинного исполнителя, об особых стилях и «школах» сказителей.

Результаты экспедиции, по замыслу собирателей, должны были составить отдельное и самостоятельное собрание — «Онежские былины». История этого издания в известной степени драматична. Как известно, оно вышло в 1948 г. (в серии «Летописи», 13-й том), уже после смерти обоих братьев, подготовлено их учеником и участником экспедиции В. И. Чичеровым². «Онежские былины» включают в себя 280 текстов полноценных сюжетов эпических песен. Однако, как показала в предыдущем докладе В. А. Бахтина, уровень подготовки текстов сборника не соответствует необходимым текстологическим требованиям. Наряду с этим «Онежские былины» — только часть собранного материала экспедиции, которая не оставляла без внимания знание исполнителями текстов других жанров. К счастью, несмотря на все перипетии, материалы всех трех экспедиций сохранились в главных архивах (ЦГАЛИ / РГАЛИ, Государственный Литературный музей) и теперь изданы. Эти два фолианта — результат многолетнего труда замечательного фольклориста В. А. Бахтиной, целеустремленного исследователя научного и эпистолярного наследия братьев Соколовых³.

Коротко о содержании двух томов. Материалы экспедиции представлены в них по жанрам, а внутри жанров — тематически. Первый том начинается с приоритетного жанра —

² Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; подг. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948.

³ Бахтина В. А. Фольклористическая школа братьев Соколовых. Достоинства и превратности научного знания. М., 2000; «Верю, мы для России пригодились»: переписка Б. М. и Ю. М. Соколовых (1921–1923) // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 9–216 (Институт русской литературы. Пушкинский Дом); Из далеких двадцатых годов двадцатого века (Исповедальная переписка фольклористов Б. М. и Ю. М. Соколовых) / Подг. текстов, вступ. ст., ком. и указатели В. А. Бахтиной. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 816 с.

былин, собирание и изучение которых, как уже говорилось, было главной задачей участников экспедиции. Это 11 ранее неопубликованных текстов, большинство которых содержат явные признаки разрушения и деградации. Тем не менее они важны для изучения эпической традиции либо как повторные записи, либо как факты былого бытования отдельных сюжетов. Самая репрезентативная публикация первого тома «Неизданных материалов...» — духовные стихи (№ 12—132), которые в совокупности с их комментарием образуют своеобразное микроисследование. Отдельную и большую группу текстов первого тома «Неизданных материалов...» составляют баллады, которые исполнителями причислялись к старинам. Записи «Исторических и солдатских песен» немногочисленны и сделаны как «спутники» старин, дополняющих эпическую традицию. Второй том «Неизданных материалов...» составляют жанры, собирание которых не определялось задачами экспедиции, их записывали «попутно», по предложению самих исполнителей. К ним относятся редкие варианты народной драмы «Царь Максимилиан».

Среди записей текстов, относящихся к северно-русскому свадебному обряду, особое внимание обращают на себя приговоры свадебных дружек. И прежде всего более 1000 стихов, принадлежащих одному исполнителю, прославленному в округе свадебному дружке М. К. Рябинину, потомку великих сказителей Рябининых. Ему посвящена отдельная статья В. А. Бахтиной⁴. Это особый пласт смеховой культуры, традиция балагурства, занимающая определенное место среди форм народного ритуального смеха.

Поскольку записи свадебного обряда и его поэзии не входили в задачи экспедиции Государственной Академии художественных наук (ГАХН), их систематизацию и комментирование осуществила составитель издания, ориентируясь на современные исследования. Так, «Бесёдные игры и песни» расположены в той последовательности, в какой реконструировала заонежскую бесёду Р. Б. Калашникова, предложившая считать песню-игру «Перепёлка», многократно записанную в Кижской волости, началом сва-

⁴ Бахтина В. А. М. К. Рябинин — свадебный дружка // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Межд. науч. конф. «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск, 2003. С. 3—5.

товства⁵. Редчайший текст — записанная от 78-летней М. С. Ковиной в Кижях длинная бесёдная песня «Селезень» (к ней еще вернуться). Немногочисленны тексты из предложенных исполнителями жанров — «Похоронная причеть», «Заговоры», «Песни любовные и семейные», «Частушки», «Детский фольклор», «Сказки и несказочная проза».

Необычный для подобных изданий раздел «Творчество крестьян» объединяет разнородные «продукты» индивидуального творчества. Среди них преобладающее место занимают самодельные стихи и пьеса уже упоминаемого М. К. Рябинина. Такие формы индивидуального сочинительства относятся к пласту текстов, определенных С. Ю. Неклюдовым термином «наивная словесность», предметное поле которых составляют «авторские устные и малограмотные письменные тексты»⁶. В этом ряду наивного дискурса можно рассматривать и письма сказителей, среди которых преобладают письма Ф. А. Конашкова и П. И. Рябинина-Андреева.

Опубликованные в первом и втором томе тексты — результат огромной и кропотливой текстологической работы составителя. Особенности этой текстологической работы состоят в том, что каждый текст воссоздавался В. А. Бахтиной на основе нескольких полевых тетрадей. Текст — это, по ее словам, «сводка», составленная из тетрадей нескольких собирателей, каждый из которых записывал оговоренную заранее его часть (начало, после цезуры, конец стиха). Текстология и герменевтика этого издания заслуживают особого разговора.

Как в любом сборнике, к каждому тексту, например былин, есть комментарий, где дается: общее описание сюжета, степень его распространенности на Русском Севере, особенность северных вариантов, сведения об имеющихся публикациях данного сюжета. Но не меньшую комментирующую функцию выполняют публикации: нотировки тверского музыковеда С. М. Любского; тексты, не подлежащие восстановлению; приложения, включающие письма из экспедиции (Б. М., Ю. М. Соколовых и

⁵ *Калашникова Р. Б.* Бесёды и бесёдные песни Заонежья второй половины XIX века. Петрозаводск, 1999.

⁶ *Неклюдов С. Ю.* От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 4—14.

В. И. Чичерова); статья С. П. Бородина-Саргиджана «Былинные края»; статьи других участников экспедиции; отзыв П. Г. Богатырева на «Онежские былины» Соколовых; отчеты и доклады руководителей о результатах экспедиции; замечания о записанных текстах; переписка участников экспедиции.

Важные факты научного значения в материалах второго тома — «Сведения о сказителях», «Этнографические описания», три Приложения, включающие и статьи руководителей экспедиции, и переписку их участников, и разного рода заметки, и описи полевых тетрадей экспедиции, словарь местной и старинной лексики, указатели исполнителей, мест записи. Все эти материалы в совокупности с текстами — бесценные свидетельства бытования той или иной традиции на Русском Севере в новых исторических условиях. Они интересны не только тем, что свидетельствуют об утраченном, но и тем, что открывают для исследователей перспективы изучения проблем, касающихся механизма передачи и бытования отдельных жанров, существования стабильных структур, преемственности в фольклоре. И это бесценно для фольклористики.

Остановлюсь на двух моментах, которые напрямую связаны с моими научными интересами.

С выходом «Неизданных материалов...» мы получили полную картину той незаурядной роли, какую сыграла в экспедиции ее неофициальный, но постоянный участник — учительница из Сенной Губы Елизавета Васильевна Ржановская. Это имя, эта неординарная личность уже вошла в науку о фольклоре⁷. Изучая в конце 1980-х гг. в архиве Карельского научного центра для готовящегося сборника «Русский детский фольклор Карелии» (Петрозаводск, 1991 г.) самую многочисленную и единственную в своем роде коллекцию, скупую означенную рукой собирателя «Детский фольклор. Собран Е. В. Ржановской. 1927—1934. Заонежский район», пыталась ответить на вопросы: как попала коллекция в архив? кто такая Е. В. Ржановская? Последовали многолетние и длительные разыскания, работа в архивах, переписка с музеями, фольклористами, родственниками, коллегами, учениками Е. В. Ржановской, личные встречи, даже телефонные раз-

⁷ *Лойтер С. М.* Е. В. Ржановская // Русские фольклористы. Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск / Отв. ред. Т. Г. Иванова, А. Л. Топорков. М., 2010. С. 199–200.

говору. Накопился большой разноплановый материал, который включал в себя и найденный мною Дневник Е. В., и ее литературные опусы ⁸.

Теперь, опуская эпизоды «открытий», «разгадок», из которых складывался мой «портрет» Ржановской, повторю лишь, что она одна из двенадцати детей священника Сенногубского прихода Василия Стефановича Ржановского, человека образованного и самобытного. О том, что В. С. Ржановский ценил и глубоко знал фольклор Заонежья, свидетельствует такой факт: когда экспедиция Соколовых прибыла в Сенную Губу, первым, кого по рекомендации местного собирателя В. Д. Лысанова посетил Юрий Матвеевич, был В. С. Ржановский, который стал неизменным консультантом и советчиком собирателей. Об этом теперь свидетельствует опубликованный во втором томе «Неизданных материалов...» Дневник Ю. М. Соколова, в котором многократно рассказывается о встречах и помощи В. С. Ржановского экспедиции. Несомненно, знанием, служением делу, образованностью, интересом к миру В. С. Ржановский оказывал огромное влияние на своих детей и, в частности, на Елизавету Васильевну, унаследовавшую от отца интерес к фольклору, собиранием которого она занималась примерно с 1918 г., т. е. задолго до экспедиции ГАХН⁹. Рассказывая в дневнике об одной из первых встреч 1926 г. с Елизаветой Васильевной, Ю. М. Соколов пишет: «Елизавета Васильевна отдала мне тетрадь с записанными ею причитаниями», записанными от тетки, сестры о. Василия. Затем последовали другие тетради.

Во втором томе «Неизданных материалов...» раздел «Свадебный фольклор. Поэзия свадебного обряда», который экспедицией Соколовых практически не записывался, в преобладающем большинстве состоит из записей Е. В. Ржановской: это № 5–10 (причеть на сватовстве), свадебные песни на сватовстве «Не яхонтик по горенке катался» (№ 12), «Я не знала, я не ведала» (№ 13), «Пивна ягода по сахару плыла» (№ 14), «На кровати тесовой, тесовой» (№ 15), «Как назябло, навеяло лицо» (№ 19), «Много, много у сыра дуба» (№ 20), песни предсва-

⁸ *Лойтер С. М.* Учитель из Заонежья (Елизавета Васильевна Ржановская) // Север. 1996. № 7. С. 137–150.

⁹ НА КарНЦ РАН, оп. 1, ф. 1, кол. 67, ед. хр. 1.

дебной недели «Как-то сегодня не то пеке красно солнышко» (№ 21), «На проходе-то все у нас веселы» (№ 22), «Полетает мой ли соколик высоко, высоко ли, далеко ли?» (№ 23), «Волюшка вольная была беззаботная, нам, девкам, житье...» (№ 24); песни свадебного дня «Ты вставай, моя голубушка» (№ 33), «Как не утушка с тепла гнезда слетает» (№ 34), «Мне-ка сметь ли, красной девушки» (№ 35), «Где-то есть моя родитель, мила маменька» (№ 38), «С терема на терем Марьюшка шла» (№ 45), «Во саду была, во садику» (№ 46), «Ай, не соболю ли по улице похаживает» (№ 47), «Во Китай, во крепком городе» (№ 48), «Жарко, жарко во тереме» (№ 53), «Не трубенька трубила рано поутру» (№ 54).

Большую часть раздела «Беседные игры и песни», собрание которых также не входило в задачи экспедиции, составляют записи из отдельной тетради Е. В. Ржановской: № 64 – игра «Перепелка», № 65–74 – игра «Вьюн», № 75–76 – игра «Девушки пива наварили», № 77 – игра «Я поеду в Нову-Ладугу гуляти», № 78 – игра «Зайнышка», № 79 – игра «Воробей», № 80–81 – танец «Шестерка», № 85–100 – разные песни, составляющие отдельную тетрадку.

Знакомство и общение с Ю. М. Соколовым, подарившим при первых встречах Елизавете Васильевне книгу «Поэзия деревни», нашли незамедлительный отклик и готовность к соучастию и сотрудничеству. И об этом свидетельствовали уже «Онежские былины: Летописи», где в разделе «Киж. П. Н. Филиппова» под номерами 119–121 помещены тексты «Старина про Владимира Красно-Солнышко», «Старина про Добрынюшку (Добрыня и Алеша Попович)», «Иван Грозный и сын», а в Примечаниях названы еще четыре эпические песни, записанные Е. В. Ржановской. В первом томе «Неизданных материалов...» эти четыре текста «Казань-город» (№ 134), «Песня про государя» на сюжет «Платов» (№ 144), «Смерть Александра I» (№ 146) опубликованы в разделе «Исторические и солдатские песни».

П. Н. Филиппову записывали такие выдающиеся фольклористы, как А. А. Шахматов (былину «Дунай»), А. М. Астахова (две былины и стих о Егории), А. И. Никифоров (пять сказок). Однако Е. В. Ржановской удалось сделать целый ряд новых записей, которые не сделали профессиональные собиратели. В первом томе в разделе «Духовные стихи» помещены записанные Ржановской от Филипповой «Стих про Елисафию» (№ 47), «Стиха про Лазы-

ря» (№ 73), «Стиха про жону милосерну» (№ 106); в разделе «Баллады» — «Стиха про вдовицу» (№ 162) и текст на сюжет «Насильственное пострижение» (№ 244), а во втором томе в разделе «Песни любовные и семейные» — «досюльная» песня «На печки сижу, заплатки плачу» (№ 115), в разделе «Сказки и несказочная проза» — «Про Нестерку» на сюжет «Золотое стремячко» (СУС 790* = АА*847 = К790) и «Сказка» на сюжет «Купеческая дочь и дворник» (СУС 992* = АА*992).

К 1927 г. относится начало собирательской деятельности в области детского фольклора, с которого начался разговор о Ржановской. Полагаю, что один из непосредственных импульсов этой работы связан с уже упомянутой подаренной Ю. М. Соколовым книгой, где есть такие слова: «Народный учитель имеет всегда перед глазами богатый этнографический материал в лице учеников своей школы». О других обстоятельствах, побудивших Ржановскую к собиранию детского фольклора, я уже писала. Теперь опубликованная коллекция, широко и многопланово представляющая детскую традицию Заонежья первой трети XX в. с еще сохранившейся подлинной живой речью, этнографической основой, особым — с приметами места и времени — детским речетворчеством, — уже признанный вклад Ржановской в фольклористику детства¹⁰.

К этому добавлю найденную мною в процессе разысканий рукопись Е. В. Ржановской «Пословицы и поговорки Заонежья», теперь хранящуюся в архиве Карельского научного центра и опубликованную¹¹.

Все это, как и «Неизданные материалы...», позволяет в полной мере представить масштаб и уровень проделанной Е. В. Ржановской работы и говорить о ней не только как о незаурядном краеведе-собирателе, но и полноправном и непременно участнике экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых.

Когда шла речь о бесёдных играх и песнях, была названа записанная экспедицией Соколовых в Кижях от 78-летней М. С. Ко-

¹⁰ Детский фольклор Заонежья. Коллекция Е. В. Ржановской // *Лойтер С. М.* Русский детский фольклор и детская мифология: исследование и тексты. Петрозаводск, 2001. С. 186–280.

¹¹ Пословицы и поговорки Заонежья (собрание Е. В. Ржановской) / Публикация С. М. Лойтер // *Кижский вестник.* № 6. Сб. ст. Петрозаводск, 2001. С. 112–135.

виной песня «Селезень» (№ 84). Она вызвала мой особый интерес по той причине, что в 1980-е гг. мне довелось неоднократно слушать и записывать в Петрозаводске эту чрезвычайно редкую песню от сказительницы Клавдии Ивановны Лыжиной, которая пела ее с дочерью Альбиной Васильевной. Это была их любимая песня, которую они многократно исполняли¹². На вопрос, где она слышала эту песню, Клавдия Ивановна сказала: «От свекрови из Кижей, из д. Оятевщина». Вариант Лыжиной почти идентичен варианту Ковиной, записанному экспедицией Соколовых в 1926 г. Селезень, по Далю, — утиный самец, склонный ”охорашиваться”. В песне это символический образ парня, которого любящая девушка одаривает предметами мужского наряда. И каждый названный новый предмет, оказывающийся способом выражения безмерной любви девушки, становится мотивом этой замечательной кумулятивной песни. Приведу ее целиком.

*Я селезня да я его любила,
Камзоликом да я его дарила.
...Я ли, я ли селезень,
Я ли бравый, молодой,
Неженатый, холостой.
При камзоле селезень,
Я селезня, да его любила,
Рубашечку ему дарила.
Я ли, я ли селезень,
Я ли бравый, молодой,
Неженатый, холостой,
При камзоле селезень,
При рубашке розовой.
Я селезня да я его любила,
Манишечку ему дарила.
Я ли, я ли селезень,
Я ли бравый, молодой,*

¹² К. И. Лыжина (1912–1995), А. В. Лыжина (1937–1993); обе носительницы большого репертуара, неоднократно пели для собирателей, участников фольклорной практики; на занятиях по устному народному творчеству, на фольклорном вечере в Карельском пединституте, куда была приглашена фольклорист-хореограф В. В. Мальми; я представляла их в Петрозаводской консерватории; во вт. пол. 1980-х гг. они стали участниками руководимого В. В. Мальми ансамбля «Карельская горница» и выезжали с ним в Москву, где выступали на ВДНХ.

Неженатый, холостой,
При камзоле селезень,
При рубашке розовой,
При манишечке беленькой.
Я селезня да я его любила,
Жилеточку ему дарила.
Я ли, я ли селезень,
Я ли бравый, молодой,
Неженатый, холостой,
При камзоле селезень,
При рубашке розовой,
При манишечке беленькой,
При жилеточке шелковой.
Я селезня да я его любила,
Часики ему дарила.
Я ли, я ли селезень,
Я ли бравый, молодой,
Неженатый, холостой,
При камзоле селезень,
При рубашке розовой,
При манишке беленькой,
При жилеточке шелковой,
При часах селезень.
Я селезня да его любила,
Уж я штаники ему дарила.
Я ли, я ли селезень,
Я ли бравый, молодой,
Неженатый, холостой.
При камзоле селезень,
При рубашке розовой,
При манишке беленькой,
При жилеточке шелковой,
При часах селезень.
Штаны новые, плисовые.
Я селезня да его любила,
Сапожки ему дарила.
Я ли, я ли селезень,
Я ли бравый, молодой,
Неженатый, холостой,
При камзоле селезень,
При рубашке розовой,
При манишке беленькой,

При жилетке шелковой,
При часах селезень,
Штаны новые, плисовые,
Сапожки козловые.
Я селезня да его любила,
Шапочку ему дарила.
Я ли, я ли селезень,
Я ли бравый, молодой,
Неженатый, холостой,
При камзоле селезень,
При рубашке розовой,
При манишке беленькой,
При жилеточке шелковой,
При часах селезень,
Штаны новые, плисовые,
Сапожки козловые,
Черна шляпа на кудрях.
Я селезня да его любила,
Перчаточки ему дарила.
Я ли, я ли селезень,
Я ли бравый, молодой,
Неженатый, холостой,
При камзоле селезень,
При рубашке розовой,
При манишке беленькой,
При жилетке шелковой,
При часах селезень,
Штаны новые, плисовые,
Сапожки козловые,
Черна шляпа на кудрях,
Перчаточки на руках.
Я селезня да его любила,
Тросточку ему дарила.
Я ли, я ли селезень,
Я ли бравый, молодой,
Неженатый, холостой,
При камзоле селезень,
При рубашке розовой,
При манишке беленькой,
При жилеточке шелковой,
При часах селезень,
Штаны новые, плисовые,

*Сапожки козловые,
Черна шляпа на кудрях,
Перчаточки на руках,
Трость камышовая в руках.
Я селезня да его любила,
Папирочку ему дарила.
Я ли, я ли селезень,
Я ли бравый, молодой,
Неженатый, холостой,
При камзоле селезень,
При рубашке розовой,
При манишке беленькой,
При жилетке шелковой,
При часах селезень,
Штаны новые, плисовые,
Черна шляпа на кудрях,
Перчаточки на руках,
Папирочка в зубах*

Записали С. М. Лойтер, Л. Зевахина, Л. Приходько,
К. Дешина, А. Иванова, Т. Жукевич¹³

В обоих кижских вариантах названо 11 предметов-мотивов, в них 120 стихов (в варианте Соколовых) и 119 — в варианте Лыжиных. Как выяснилось, песня известна в трех записях в собрании А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» и одном варианте, записанном в 1956 г. на Печоре, д. Оксина Нарьян-Марского района¹⁴. Они содержат 65, 67 и 61 стих и, соответственно, 6–7 предметов-мотивов, печорский вариант — 99 стихов и 9 предметов. И это наблюдение в самом первом приближении говорит о том, что есть над чем задуматься и что изучать.

Привожу эти примеры для того, чтобы акцентировать те перспективы, которые открывает перед исследователями вышедшее издание. Значение двухтомника может быть до конца осознано и в свете тех задач, которые стоят перед фольклористикой в связи с созданием Сводов разных жанров русского фольклора, ее истории, воссоздаваемой на основании новых источниковедческих

¹³ НА КарНЦ РАН, оп. 1, ф. 1, кол. 207, ед. хр. 2.

¹⁴ Великорусские народные песни, изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1902. Т. VII. С. 436–441. № 487–489; Песни Печоры / Изд. подг. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.: Л., 1963. С. 291–292 (№ 263).

материалов, неопубликованных, хранящихся в архивах, не доведенных до конца. Опубликованные в своей совокупности материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых — это и исключительный опыт, и исключительный образец собирательской, текстологической, эдиционной практики, который так значим в контексте нашего семинара.

М. В. Кундозерова
Петрозаводск

ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ КАРЕЛЬСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПЕСЕН О СОТВОРЕНИИ МИРА И УСТРОЙСТВЕ МИРОЗДАНИЯ

История собирания карельских эпических песен насчитывает более двух столетий (вторая половина XVIII в. — по наше время). Общая информация по данному вопросу содержится в ряде публикаций зарубежных и отечественных исследователей¹, а также в Интернете, преимущественно на финляндских сайтах². Цель данной работы — осветить историю собирания рун, в которых сюжетообразующими являются мотивы происхождения и устройства мироздания: «Сотворение мира», «Кование неба» и «Большой дуб». Источниковой базой исследования являются тексты, опубликованные в таких собраниях рун, как SKVR³ (тома: I, II, VII), KKR⁴ (1-я книга), КФНЭ⁵, КЭП⁶. Привлекаются также материалы рукописного и фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН (неопубликованные данные фольклорного архива Финского литературного общества в настоящий момент не при-

¹ См., напр.: *Kuusi M. Suomen kirjallisuus. I. Kirjoittamaton kirjallisuus.* Helsinki, 1963. 655 s.; *Kaukonen V. Lönnrot ja Kalevala.* Pieksämäki, 1979. 198 s.; *Миронова В. П.* Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтола в контексте карельской эпической традиции: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2011. 236 с. И др.

² Напр., <http://dbgw.finlit.fi>, <http://www.kalevalaseura.fi>, <http://www.juminkeko.fi>, <http://www.huovistensukuseura.net>. И др.

³ *Suomen Kansan Vanhat Runot. I–XIV.* Helsinki, 1908–1948 (Древние руны финского народа).

⁴ *Karjalan kansan runot. Kokoonpannut V. Jevsejev.* Tallinn 1976–1980, I–II (Песни карельского народа).

⁵ Карело-финский народный эпос. В двух книгах / Сост., вступ. ст., пер., примеч. В. Я. Евсеева. М.: «Восточная литература» РАН, 1994.

⁶ Карельские эпические песни / Пред., подг. текстов и ком. В. Я. Евсеева. Л., 1950. 526 с.

влекаются, поскольку на данном этапе эти материалы автором статьи не освоены).

Карельская эпическая традиция разделена нами на три ареала: севернокарельская, или беломорская (нынешняя территория проживания собственно-карелов: Лоухский, Калевальский, Беломорский, Кемский, Муезерский, Медвежьегорский районы), южнокарельская (территория ливвиков и людиков: Олонецкий, Пряжинский, Кондопожский районы) и приладожская традиции.

1. Сотворение мира (Maailman synty). Карельская картина мира основывается на представлении о том, что мироздание возникло из частей яйца, снесенного птицей-демиургом посреди первозданного океана на колено Вяйнямёйнена / кочку / остров. В силу разных причин яйцо попадает в воду и распадается на части, из которых образуются земля, небо, солнце, луна, звезды.

В эпической традиции *Северной Карелии* данный сюжет в основном контаминирован с эпизодом мести Лаппалайнена, который стреляет в скакуна Вяйнямёйнена, вследствие чего герой падает в воду. Далее в большинстве вариантов сюжет включается в канву повествования о создании и похищении мельницы Сампо. Самая ранняя запись текста о Сампо, содержащего мотив сотворения мира из яйца, датируется 1821 г. Руна (144 стиха) была записана Топелиусом-старшим от Юрки Кеттунена, родом из Чены⁷ (Tsena). Запись была произведена в Финляндии в местечке Уусикаарлепоу (Uusikaarlepyy), куда Юрки приходил, будучи коробейником.

Полноценная в художественном отношении руна повествует о мести Лаппалайнена, падении Вяйно в море, сотворении мира из яйца, о ковании Сампо Илмариненом, похищении Сампо из Похьелы (руна опубликована в SKVR II под тремя номерами: 63, 63a, 63b). Из собранных с 1821 по 1894 гг. финскими собирателями песен выявляется 76 текстов, содержащих мотив сотворения мира из яйца (см. публ. SKVR II, раздел Sampojako). Руны были записаны в районе деревень Келловааракка, Юшкозеро, Кимасозеро, Аконлакша, Костамукша – Кентозеро, Ладвозеро, Вокнаволок, Войница, Ухта (нын. Калевала), Пистойярви (в основном это территория нынешнего Калевальского района и посе-

⁷ Деревня в Северной Карелии, находившаяся недалеко от Вокнаволока.

ления Вокнаволока). Среди собирателей: Шёгрэн (1825)⁸, Феллман (1829?), Готтлунд (1830-е), Лённрот (1832, 1833, 1834, 1835, 1837), Каян (1836), Кастрен (1839), Европеус (1845, 1846), Борениус (1871, 1872, 1877, 1879), Генетц (1872), Бернер (1872), Ханникайнен (1877), Базилиер (1879), Мерилайнен (1889), Карьялайнен (1894), Инха (1894). Руны были записаны более чем от 51 сказителя⁹, среди указанных отметим Миихкали Перттунена из Ладвозера, Онтрея Малинена из Войницы, Дарью Хуовинен из Хиетаярви и др. Песенное наследие величайшего из карельских рунопевцев — Архиппы Перттунена — не содержит мотива о создании мира из яйца. Совершенные с точки зрения формы и содержания руны певца отражают широко известный в мировой фольклористике мотив происхождения мира из тины (зап. Лённротом в 1834 г., опубл. SKVR II № 54). Примечательно, что в 1871 г. его сын Миихкали пел Борениусу ту же руну про Сампо, но уже с мотивом сотворения мира из яйца (см. SKVR II № 58).

Данный сюжетобразующий мотив в севернокарельской традиции встречается также в контаминациях с сюжетами «Состязание в пении», «Изготовление кантеле», «Поиски дерева для лодки», «Посещение Випунена».

Из материала, собранного и опубликованного карельскими исследователями за годы экспедиций в советское время, нами выявлено лишь три беломорские руны, содержащие рассматриваемый мотив. В 1937 г. в Кимасозере от А. И. Ананиной был записан полный в художественном отношении текст (172 стиха), контаминированный с мотивом изготовления кантеле (KKR I № 39, зап. О. Пергамент). В 1937?–1939 гг. в Ругозере от П. Т. Ивачевой была записана руна о сотворении мира (39 стихов) без контаминаций (КЭП № 95, КФНЭ I. IX, зап. И. Я. Пажлаков). В 1947 г. в Войнице от А. С. Богдановой был записан текст (75 стихов) с контаминацией эпизодов о поимке девы-лосося, падении Вяйнямёйна в море и сотворении мира, причем создаются уже только небесные светила (КЭП № 31, зап. Э. Тимонен).

В репертуаре *южных карелов* выявлено три варианта, содержащих мотив сотворения мира из яйца. В 1845 г. в Сариго-

⁸ В скобках указан год записи.

⁹ Имена 51 сказителя указаны. В записях Топелиуса, Феллмана, Лённрота, Каяна, Кастрена и Европеуса очень редко отмечено, где и от кого руна записана.

ре (Saarimäki) от неизвестного исполнителя была записана руна (76 строк), контаминированная с сюжетом «Состязание в пении» (SKVR II № 2, зап. Европеус). В 1871 г. в Вешкелице (Veskelys, Vuatšinmäki) от старика Кири была зафиксирована песня о сотворении мира (30 стихов), сюжет неполный, без контаминаций (SKVR II № 3, зап. Борениус). По словам самого старика, он научился петь руны, будучи солдатом в Финляндии (Sanoi sotamiehenä ollessaan Suomesa oppineensa laulamaan — примеч. Борениуса). В 1934 г. в Эльмитозере от М. Архиповой был записан неполный текст (18 стихов), по сути, начало руны о сотворении мира (KKR I № 15, зап. В. Я. Евсеев).

Приладожская традиция в исследовании представлена 51 вариантом руны о сотворении мира, которые встречаются либо без контаминаций, т. е. начинаются с описания полета птицы (коих большинство), либо в сочетании с сюжетом о стрельбе антагониста в Вийнямёйнена. Руны были зафиксированы на территории волостей Салми, Суйстамо, Соанлахти, Корписелькя, Суоярви, Иломанси. Самая ранняя запись была произведена Лённротом в 1838 г. в Коверо (Sonkaja), имя исполнителя не указано (25 стихов, текст неполный, упоминается происхождение только земли и звезд, опубл.: SKVR VIII № 54). Самые поздние записи относятся к 1915 г. Например, в Пиенисарка (Суйстамо) от Елессея Валёкайнена была записана руна (46 стихов), контаминированная с эпизодом мести антагониста: согласно тексту, земля происходит из желтка, небо — из белка, звезды — из крошек (SKVR VIII № 10a, зап. Кемппайнен). В местечке Шемейкка (Суйстамо) от Пеши Шемейкка был записан неполный текст руны (47 стихов), также с контаминацией сюжета мести антагониста — Лаппалайнена. В конце повествования яйцо распадается на части, и сказитель отмечает, что «с этого-то все и началось» (Siitäbä algu aivin kaiken), добавляя, что дальше он не помнит (en mie enämbyä muista). Руна опубликована в SKVR VIII № 22, зап. Ханникайнен. В течение 77 лет на территории Приладожья руны о сотворении мира фиксировали Европеус (1845, 1846), Алквист (1846), Сирелиус (1847), К. Крон (1884), Базилиер (1884), Реландер (1888), Хайнари (? , 1893), Съёстрём (1894—1895), Борениус (1897), Почтарефф (1897), Хяркенен (1900, 1903), Ангерво (1906), Луккаринен (1906), Ниemi (1906, 1909), Кемппайнен (1911, 1914, 1915), Ханникайнен (1915). Среди исполнителей (указаны лишь

26 имен) фигурируют представители рода Хяркенов, Сотикай-
ненов, Шемейкка (Иивана, Педри), Ворнанен. Руны опублико-
ваны в SKVR VIII (раздел Luomisruno).

2. Кование неба (Taivaan taonta). Карельские эпические песни сохранили следы двойного представления о происхождении небесной сферы. Согласно одним, небо произошло из верхней части разбившегося яйца, снесенного птицей на колено Вяйнямёйнена, дрейфующего в открытом водном пространстве. С другой стороны, карельские эпические песни повествуют о возникновении верхнего яруса мироздания — неба и небесных светил — путем выковывания.

В эпической традиции *Беломорской Карелии* мотив выковывания неба, как правило, вступает в контаминацию с циклом рун о мельнице Сампо и сводится лишь к упоминанию либо рассказу о когда-то проделанной кузнецом Илмариненом «в начале времен» работе (см. SKVR II, раздел Samprojakso). 12 текстов были записаны в Войнице и два в Лонкка (эти деревни располагались поблизости). Самая ранняя запись руны, содержащей эпизод (8 стихов) о ковании неба, датируется 1825 г. Текст был зафиксирован в Войнице от Онтрея Малинена (SKVR II № 79, зап. Шёгрэн). Подобные записи были произведены также Лённротом (1833, 1834), Борениусом (1871, 1872, 1877), Генетцом (1872) от 11 исполнителей (Миихкалине Симана, Хомани Охво и его жена Матрё, Мартиска Карьялайни, Кормилайни Торо и др.). Единственный представленный в исследовании неконтаминированный текст (14 стихов) о ковании неба был записан в 1877 г. в Ладвозере от Миихкали Пертгунена (SKVR II № 136, зап. Борениус). Небольшой отрывок (8 стихов), содержащий воспоминания лирического героя об участии в ковании небосвода, был записан в Суднозере в 1894 г. от Варахонтты Лесонена (SKVR II № 137, зап. Карьялайнен). Подобные эпизоды были зафиксированы также в Войнице и Лонкка в четырех контаминированных текстах (см. SKVR II № 138–142).

Южнокарельские эпические песни не содержат рассказа о процессе либо подробностях выковывания неба. Кузнец Илмойллине лишь имеет устойчивый эпитет “кователя небесного железа” (“ilman rautojen takoja”), например, в руне на сюжет «Сватовство в Хийтоле». Данный эпитет кузнеца в составе указанной руны фиксировался и финскими собирателями в конце XIX — начале XX вв.

(Генетц, Борениус 1871; Крон 1884; Хярккенен 1901) и карельскими исследователями в 1930-е гг. (основная заслуга принадлежит В. Я. Евсееву, 1934–1937 гг.). Руны фиксировались в деревнях Эльмитозеро, Поросозеро, Хлевनावолок, Вешкелицы-Вуаччойла, Ииванисто (см. публ. финских собирателей в SKVR II № 95, 99, 100, 100а, 101, 105, 145, 1057). В советский период записи были произведены в деревнях Петровского¹⁰, Пряжинского и Олонецкого районов: Эльмитозеро, Пиджуйла, Вохтозеро, Лахта, Лагиламби, Кукшегора, Мантере (см. публ. КЭП № 123, 129, 133, 145, 152, ККР I № 16, КФНЭ № 24. III). Примечательно, что среди исполнителей XIX в. встречаются имена лишь мужчин (Василий Валосов, Валассий Иванов, Петр Иванов, Архиппа Муйлаччу), а в записях XX в. фигурируют преимущественно женщины-исполнительницы (Александра Федорова, М. Ф. Архипова, И. И. Федулина, Ф. И. Зайцева, М. И. Машкоева, А. Ф. Никифорова, П. И. Анисимова, А. Е. Богданова и др.).

Приладожская традиция содержит отрывочные упоминания о ковании неба кузнецом в 11 контаминированных текстах (см. публ. в SKVR VIII № 87–95а). Руны были записаны на территории волостей Китее, Соанлахти, Корписелькя, Иломанси, Импилахти, Салми, Суоярви. Среди собирателей – Лённрот (1828), Европеус, Алквист (1846), Сирелиус (1847), К. Крон, Басилиер (1884), Салминен (1911). Имена исполнителей в большинстве записей отсутствуют, в числе указанных – Матрона Кююрёнен, Иван Хяни, Тахво Калтинен, Архиппа Бурскайнен, жена Пebro (Pebro akka).

3. Большой дуб (Iso tammi). Карельские эпические песни донесли до нас отголоски представлений о мировом древе, символом которого является огромный дуб, растущий от земли до неба и обширными ветвями закрывающий солнце и луну и преграждающий путь облакам. Деление мирового древа на три части (ветви – ствол – корни) соответствует троичности мифологической Вселенной (верхний мир – средний – нижний).

В *Северной Карелии* в чистом виде сюжет о большом дубе представлен руной «Четыре девы и листок любви» (Neljä neittä ja lemменlehti): четыре девы, отправившись на косьбу / уборку сена, находят любовный листик / дубовую щепку и сажают в плодо-

¹⁰ Ныне его территория перешла к Суоярвскому и Кондопожскому районам.

родную землю. Там вырастает красивый зеленый дуб, верхушкой упирается в небо, ветви / листья по небу простирает и преграждает путь облакам и тучам (закрывает сияние солнца и луны — редко). Однако одна длинная туча проходит, в этой туче есть большие капли, в каплях — обширные ламбины, в ламбинах — красные лодки, в лодках — молодые люди / женихи плетут канат, чтобы связать концы моря, успокоить залив, чтобы девушек увозить. 18 вариантов такой записи опубликовано в SKVR 12 (раздел *Vienan neitoset*). Самая ранняя запись руны (25 стихов) была произведена в 1825 г. в Ухте от неизвестного исполнителя (SKVR 12 № 1237, зап. Шёгрэн). Руны фиксировались в деревнях Келловааракка, Люття, Аконлакши, Кентозеро, Кивиярви, Ладвозеро, Вокнаволоок. Среди собирателей: Лённрот (1834, 1835), Варонен (1886), Карьялайнен (1894), Бернер (1872), Ниemi (1904), Инха (1894), Мартини (1892), Лильеблад (1830-е), Каян (1836), Rautell (1892). В числе сказителей значатся Архиппа Перттунен, Варахвонтта Сиркейни, Окахвие Мякеляйни, Оути Ньюкани, Оссиппа Оменайни.

Руна о большом дубе также неоднократно фиксировалась карельскими собирателями на севере Карелии. В период с 1927 по 1972 гг. руны были записаны в деревнях Контокки, Кимасозеро, Ухта, Войница, Суднозеро, Вокнаволоок. Среди исполнителей: М. Лаукканен, Е. Елагина, А. А. Пекшуева, М. С. Летгиева, М. П. Лесонен, Т. Перттунен, И. Л. Лесонен, А. Ф. Лесонен, А. Артемьева. Среди собирателей: Г. Богданов, О. Пергамент, Е. Гран, Э. Гуттари, Е. Каллио, П. Куйкка, В. Федотова, С. Степанова (см. публ. KKR № 38, 80, 90, 105, 126, 151, 155, КЭП № 40, КФНЭ 12. IX). Самая поздняя запись руны о большом дубе (33 стиха) датируется 1990 г. Запись была произведена в д. Вокнаволоок от известной сказительницы Сантры Ремшуевой ее дочерью Р. П. Ремшуевой. Запись хранится в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН (кассета 3229, 6).

Данный сюжет бытовал также в контаминациях. Например, в 1911 г. от исполнительницы Анни Лехтонен в Войнице сюжет о большом дубе был зафиксирован в составе кумулятивной песни *Onni-manni* (SKVR 13 № 1938, зап. Паулахарью). В 1872 г. от сказительницы Иро (*Iro, Päntin vaimo*) текст был записан в контаминации с сюжетом о трагической гибели девушки Анни, кото-

рая вешается в амбаре после встречи в лесу с Осмотар¹¹ (SKVR II № 216, зап. Бернер).

Руна на сюжет «Четыре девы и листок любви» была зафиксирована также у южных (в Saarenrää, см. публ. SKVR II № 901 — помечена как свадебная — häälaulu) и приладожских карелов (в Суоярви, см. публ. SKVR VII2 № 1344).

Помимо этого, в южной и приладожской традициях бытовал сюжет (omenatammi, kultaryöätammi — по финской терминологии) о вырастании дуба с ровной вершиной, ровными ветвями, на каждой ветви по яблоку, на каждом яблоке — золотое колесо, на каждом колесе — кукушка. Как колесо крутанется, так кукушка кукукнет. Золото из ее уст летится, медь со скул капает в золотую чашечку, медную корзиночку. Дуб широко раскинул ветви, скрыл солнце и луну. Руна в основном носит лирический характер.

Южнокарельская традиция представлена тремя вариантами. Тексты были записаны в д. Колатсельга (1845) и Поросозеро (1884 г., от женщин-исполнительниц) (см. публ. SKVR II № 403, 404, 873, зап. Европеус К. Крон).

В *Приладожье* было зафиксировано несколько вариантов руны о большом дубе — золотом колесе. В 1845 г. в Суоярви от неизвестного сказителя была записана руна (78 стихов) в контаминации с сюжетом «Жалоба попавшей / попавшего на чужбину» (Vieraisiin joutuneen valitus) (SKVR VII2 № 2255, зап. Европеус). 1884 г.: в Суйстамо от Пелагеи Хярккенен записана руна (196 стихов) в контаминации с сюжетом «Пир в Пяйвеля» (SKVR VII 1 № 777, зап. К. Крон); в Салми — от Василия Хонгой руна (14 стихов) без контаминаций (SKVR VII2 № 1594, зап. К. Крон); в Корписелькя руна (26 стихов) от неизвестного сказителя, текст неполный (из волн появляется герой, намеревающийся срубить дуб) (SKVR VII2 № 1606, зап. Wrede). В 1900 г. в Суоярви руна (32 стиха, дуб срубается) от Ивана Пёппёнена (SKVR VII2 № 1610, зап. Хярккенен). В 1903 г. в Суоярви руна (15 стихов) от Петри Торвинена без контаминаций (SKVR VII2 № 1611, зап. Хярккенен).

Отметим, что руна исполнялась и без мотива «золотого колеса». В 1884 г. в Суйстамо от Петри Шемейкка была записана руна (41 стих) на сюжет «Морской поход и создание кантеле» (Laivaretki ja kanteleen synty). Согласно тексту, вырастает дуб,

¹¹ В данном сюжете — персонаж, сватающийся к девушке.

скрывающий солнце и луну; его срубает мужик из моря, потом из дуба изготавливается кантеле (SKVR VIII № 565, зап. Базилиер).

Сюжет о большом дубе наиболее широкое распространение получил в заклинательной поэзии¹² (pistoksensyntu), к исследованию привлечено около 120 текстов. Образ большого дуба является центральным в заговорах от коликов (pistosloitsu). По сюжету, огромный дуб срубает вышедший из моря мужичок; из дуба изготавливаются стрелы, которые при попадании в тело человека либо животного вызывают острую колющую боль. Заклинания опубликованы в SKVR I4, II, VII3, VII4.

Итак, общая картина по этнолокальным традициям в количественном отношении вырисовывается следующая. Сюжет о сотворении мира представлен 133 вариантами (79 – севернокарельские, 3 – южнокарельские, 51 – приладожские). Сюжет о ковании неба – 46 вариантов (20 – северн., 15 – южн., 11 – прилад.). Сюжет о большом дубе – 41 вариант (30 – северн., 4 – южн., 7 – прилад.), в заклинательной традиции – 120 вариантов (60 – северн., 10 – южн., 50 – прилад.). Прослеживается четкая неоднородность (и качественная, и количественная) эпической традиции у разных локальных групп карелов. Однако столь малое количество зафиксированных текстов, например, на южной территории отнюдь не указывает, что тот или иной сюжет не получил у южных карелов большого распространения. Как справедливо отмечает В. П. Миронова, южнокарельская традиция просто в меньшей степени фиксировалась и осваивалась, поэтому и представлена небольшим количеством собственно эпических песен¹³. Отметим также наличие большого количества контаминаций сюжетов и синкретизм жанров калевальской метрики, когда руна на один и тот же сюжет могла исполняться и в контексте ритуала, и вне его.

¹² Учитывая синкретизм жанров, относящихся к песням калевальской метрики, при рассмотрении эпических песен к исследованию привлекаются и заклинания.

¹³ *Миронова В. П.* Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтола в контексте карельской эпической традиции: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2011. С. 12.

*А. С. Лылова
Петрозаводск*

СКАЗОЧНИКИ ВОДЛОЗЕРЬЯ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 2010–2011 ГГ.)

Водлозерье — территория, прилегающая к оз. Водлозеру, одному из наиболее крупных водоемов южной Карелии, расположенному в восточной части Пудожского района республики. Когда-то через Водлозеро проходил один из торговых путей в Поморье, но «после переноса столицы в Петербург <...> водлозеры оказались в совершенном захолустье»¹. В конце 20-х гг. XX в. известный фольклорист Б. М. Соколов писал об этом крае: «Далекое глухое Водлозеро. „Загнано место“, как выражаются сами водлозеры. Около 70-ти километров от Пудожа»². Сейчас мало что изменилось: эта территория удалена от центральных дорог, обособленна и труднодоступна.

В Научном архиве (НА) КарНЦ РАН хранятся более 150 текстов сказочного содержания, зафиксированных в 30–40-е, 70-е и 90-е гг. XX в. от 30 жителей обозначенного района сотрудниками Карельского научно-исследовательского института культуры (КНИИК), преобразованного позднее в Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ) КарНЦ РАН.

В рамках плановой темы по подготовке сборника сказок Водлозерья появилась необходимость сбора сведений об исполнителях выбранного фольклорного жанра. Обусловлено это было тем, что в НА КарНЦ РАН подобные сведения минимальны или же вообще отсутствуют.

На страницах книги «Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии)», подготовленной Т. С. Курец³, уда-

¹ *Логинов К. К.* Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006. С. 6.

² *Соколов Б.* Поэзия Водлозера. Из записок исследователя // Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички. Петрозаводск, 1997. С. 142.

³ *Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии)* / Изд. подг. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2003.

лось обнаружить справки о 14 исполнителях. К сожалению, в архиве нет ни одной фотографии. Чтобы как-то исправить ситуацию, были предприняты три выезда в д. Куганаволок, являющуюся в настоящее время административным центром Водлозерья и практически единственным местом проживания населения. Отметим, что до 30-х гг. XX в. на островах и берегах указанного озера располагалось сорок населенных пунктов. В связи с применяемой здесь программой ликвидации «неперспективных» деревень многие поселения опустели к концу прошлого столетия. Большинство жителей переехали в Куганаволок. Первую поездку удалось совершить в октябре 2010 г. Она началась с посещения сельского совета, беседой с заместителем главы поселения Галиной Петровной Осиповой, которая любезно сообщила всю известную ей информацию о родственниках и односельчанах сказочников из списка, составленного на основе имеющихся в архиве записей фольклорных сказочных текстов.

Оказалось, что в Куганаволоке проживает Валентина Федоровна Данилина (1932 г. р.), приехавшая сюда из д. Пога, где участники экспедиций обнаружили в 1970-е гг. великолепную исполнительницу Евдокию Макаровну Лёвину, от которой было зафиксировано наибольшее количество текстов сказочного характера на данной территории (треть от общего числа). Сотрудники ИЯЛИ КарНЦ РАН встречались с Е. М. Лёвиной трижды. Знакомство с ней состоялось в 1973 г. Тогда А. П. Разумова, Т. А. Коски и Е. И. Русакова записали от неграмотной 78-летней слепой старушки 11 сказок. При этом проживающая вместе с ней внучка Надежда сообщила участникам экспедиции, «что бабушка знает 50 сказок»⁴. Через год сотрудники ИЯЛИ КарНЦ РАН снова приехали к Евдокии Макаровне. Летом 1974 г. за три дня проживания у Лёвиных Е. И. Русакова и студентки ПетрГУ М. Нигметова и О. Устинская зафиксировали от Евдокии Макаровны 43 сказки, включая повторные записи. Последняя встреча собирателей с Е. М. Лёвиной состоялась в 1977 г., во время которой «из-за преклонного возраста рассказчицы не удалось записать никаких дополнительных сведений о ее творческой биографии и о бытова-

⁴ Отчет об экспедиции в Пудожский район сотрудников сектора фольклора и этнографии Института ЯЛИ Карельского филиала АН СССР / НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 133, л. 6.

нии сказки»⁵. В общей сложности от Е. М. Лёвиной были записаны 54 сказки, включая 10 повторных записей. Достаточно неожиданно данную информацию об этой уникальной сказочнице посчастливилось выяснить при разговоре с В. Ф. Данилиной:

— До какого года Вы жили в Поге?

— До 75-го. В 75-м я в Куганаволок переехала, с Поги-то.

<...>

— Вот Вы знаете, наверное, там проживала Евдокия Макаровна Лёвина.

— Это мама моя.

— Да Вы что!

— Да, моя мамушка.

— Это Ваша мама?

— Да, это мама моя.

— Ой, как хорошо.

— Ой, она сколько знала...

— Я как раз ищу родственников.

— Мне девичья-то фамилия была Лёвина. Это мама моя.

В. Ф. Данилина рассказала о том, как приезжали записывать сказки матери:

— От нее записали самое большое количество сказок.

— Ой, она что знала! Ой! Тут и девушки тоже ходили сколько раз. Я помню, как сейчас. Они потом уехали. И они ей такую послали посылку, гостинец, там чай и, в общем, конфеты, всего. Там было письмо написано благодарное. Она им в каждый год и всяких сказок, и стихов, и чего только... У ей память была золотая. У нас теперь такой памяти нету.

Также В. Ф. Данилина сообщила, что мама умерла в 1977 г. в возрасте 82 лет и похоронена в г. Пудоже. К сожалению, участники экспедиций 70-х гг. не сфотографировали Евдокию Макаровну, но дочь передала единственную имеющуюся у нее фотографию, где изображены родители. Отметим, что в 1974 г. 11-летняя внучка Е. М. Лёвиной Надежда сообщила собирателям новеллистическую сказку «Заработанный рубль», усвоенную от бабушки. Оказалось, что Надежда — это дочь В. Ф. Данилиной, которая в настоящее время проживает в Куганаволоке.

⁵ Сенькина Т. И. Русская сказка Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 35.

Во время той же поездки в октябре 2010 г. удалось пообщаться со специалистом по экологическому просвещению НП «Водлозерский», руководителем местного краеведческого кружка Натальей Алексеевной Белкиной, которая сама оказалась очень ценным информантом. В ходе беседы с ней выяснилось, что она, кроме того, является племянницей Анны Игнатьевны Рахмановой, сообщившей собирателям в 1974 г. всего две сказки. Один из текстов (сказка «О лисе и зайце») относится к чрезвычайно редкому сюжетному типу, который, согласно СУС⁶, известен по единственному опубликованному варианту в составе сборника «Русские заветные сказки», подготовленного А. Н. Афанасьевым. К сожалению, Н. А. Белкина никогда не слышала сказок в исполнении своей тети и не смогла сообщить каких-либо дополнительных сведений о ней. Но зато она обеспечила посещение кладбища Куганаволока, где были обнаружены могилы нескольких сказочниц с фотографиями, уточнены даты их жизни и выяснены данные, касающиеся имени и отчества, отсутствующие в архивных материалах. Так, например, удалось установить, что исполнительницу сказок О. А. Крюкову, от которой были записаны два текста в 1974 г., звали Ольга Акимовна, годы жизни 1915–1986.

Отметим, что Наталья Алексеевна Белкина, наряду со старшим госинспектором НП «Водлозерский» Еленой Николаевной Холодовой, оказали неоценимую услугу, изъявив желание помогать в поисках сведений о сказочниках. Во многом благодаря им в нашем распоряжении имеются сканированные копии фотографий отдельных исполнителей.

Петр Яковлевич Леонтьев (1893 г. р.) проживал в д. Гумарнаволок. В 1945 г. от него было записано всего четыре текста, что обусловлено сложностью фиксации фольклора от руки. Между тем в материалах собирательницы А. В. Беловановой отмечается, что в репертуаре Петра Яковлевича было значительное количество сказок, многие из которых он усвоил в армии. Судя по всему, Леонтьев был известным сказочником, о чем свидетельствуют слова его жены Прасковьи Егоровны: «Столько [людей – А. Л.] наберется, не пройти, полна изба. Кто придет, все идут, слушают.

⁶ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

Были мужики, дак с избы не выходили»⁷. Это подтвердила и бывшая жительница д. Гумарнаволока, проживающая теперь в Куганаволоке, Анна Степановна Лукина (1933 г. р.), с которой удалось пообщаться в октябре 2010 г. Она рассказала, что люди, проезжающие мимо Гумарнаволока с более отдаленных населенных пунктов (Загорья, Пильмасозера), нередко останавливались у Леонтьевых ночевать, чтобы послушать сказки Петра Яковлевича. Вспомнила А. С. Лукина и манеру сказывания:

— *Он тут станет на средину комнаты или там кухни. Рассказывает. У его получается интересно, что он всё тут показывает.*

— *То есть он не сидел?*

— *Большинство стоя. К нему заезжали специально.*

П. Я. Леонтьев занимался изготовлением различной деревянной утвари.

А. С. Лукина сообщила, что в части Куганаволока, именуемой Кочнаволок, проживают дети Петра Яковлевича Анна Петровна Семихина и Александр Петрович Леонтьев. В июне 2011 г. удалось пообщаться с Анной Петровной (1927 г. р.), которая поведала о том, как отец рассказывал сказки:

— *Ак сказки он рассказывал. Придѣ молодежь, и до войны. Парни взрослые да придут, его заставят. Дак он сказку. Что-не делает, сетку вяжет или что-не: „Да тут я опять с вами займусь”. — „Но, да давай, дядя Петя, да давай”. Но он заведет сказку расскаже, а потом и другу расскаже. И потом уж оны свалятсе все на пол. На пол свалятсе, лежа всё слушают. И так и после войны. Поедѣт туды в деревню, там у ёго сестра в Загорье была. Поедѣт туда в гости, там на 7 ноября. Он как туды только придѣт, оны там придут с деревни, все парни, все придут к ему слушать сказки. Он перво оттирается, а потом...*

Умер Петр Яковлевич в возрасте 65 лет и похоронен в Гумарнаволоке. Его жена Прасковья Егоровна пережила мужа на 7 лет и похоронена в Куганаволоке.

От Степана Петровича Фофанова в 1973 г. были зафиксированы три сказки. Летом 2011 г. удалось побеседовать с его сыном Виктором Степановичем (1940 г. р.) и невесткой Антониной Ивановной (1942 г. р.). Они сообщили, что отец родился и жил в Ке-

⁷ Носители... С. 163.

нозерье и переехал в Пудожский район практически перед самой войной; он был отменным бондарем, за что даже получил бронь. В том же 1973 г. одну сказку рассказала собирателям и жена Степана Петровича Татьяна Григорьевна. В семейном альбоме Фофановых обнаружилась уникальная фотография, на которой, по словам Виктора Степановича, запечатлены его родители и девушки, производившие от них записи фольклорного материала.

От жительницы д. Пёлгостров Марии Ильиничны Пименовой в 1973 г. были зафиксированы 8 сказок. В январе 2011 г. удалось пообщаться с ее дочерью Верой Андреевной Данилиной (1930 г. р.), которая уточнила отчество матери (в архиве ошибочно указано: Ивановна).

Еще раз напомним, что основной целью предпринятых выездов был сбор сведений о сказочниках Водлозерья. В то же время попутно осуществлялась запись иного фольклорно-этнографического материала (более 6 часов). Пожалуй, наиболее ценной оказалась фиксация летом 2011 г. так называемой «Сказки-помазки», рассказанной Тамарой Анатольевной Коровяковской (1959 г. р.):

*Сказка-помазка,
Елов пестень
Заломил хвостень,
Пал на соломку,
Хвост на сторонку,
Три года лежал,
Головы не сдымал.
Выздынул головку,
Поглядел на погост:
Кузнецы куют,
Колокольчики поют,
УСпаса бьют,
УНиколы молчат,
Устарого Егора часы говорят.
Марья-царевна спородила сына.
Как звать сына?
Костя-щетина.
Как звать девчушку?
Машка-калитушка.
Выдайте-ка дочку
За моего сына.
Умоего сына
Трои сини
Гвоздом биты.*

*Что царь делает?
Струны точит.
Струны обломилась,
Царь повалился.*

[И вот с этого момента идет загвоздка: он обронился, струны оборвались, он повалился, потерял часы (это я знаю точно, что он потерял часы), кто-то эти часы взял, где-то девушки были связаны с этим, и потом начинается:]

*Где эти девки?
В лес ушли.
Где этот лес?
[Кто-то] вырубил.
Где [тот, кто] вырубил?
В горы ушли.
Где эти горы?
Черви выточили.
Где эти черви?
У попа в мешке.
Где этот поп?*

*[И она в конце как бы пугает]
Здесь.*

По словам Т. А. Коровяковской, она усвоила эту сказку от своего отца Анатолия Михайловича Баранова (1932 г. р.). Интересно, что варианты «Сказки-помазки», принадлежащей к жанровой разновидности кумулятивных (цепных) сказок, записаны еще от четырех носителей фольклорной традиции в Водлозерье, включая и упоминавшуюся ранее Е. М. Лёвину. Это свидетельствует о широком ее бытовании в данной местности. Известна она и в соседней Архангельской области, на территории граничащего с Водлозерьем Кенозерья: похожий текст помещен в сборнике, составленном Н. В. Дранниковой⁸. По мнению А. И. Никифорова, такие тексты, скорее всего, являются присказками; он считает, что «мы имеем дело здесь с особым жанром или песенной сказки, или вообще песни (стиха) на тему о сказке»⁹.

⁸ Архангельские сказки. Из материалов лаборатории фольклора Поморского университета / Сост. и отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск, 2002. № 82.

⁹ Никифоров А. И. Русская докучная сказка // Никифоров А. И. Сказка и сказочник. М., 2008. С. 180.

Попутно отметим, что Т. А. Коровяковская является правнучкой Кузьмы Никифоровича Иуткина, известного в Водлозерье поэта. Одно из его произведений записано братьями Соколовыми в 1928 г. в рамках экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга». Оно было опубликовано в 2007 г. в первом томе не изданных ранее материалов данной экспедиции, который был подготовлен к печати В. А. Бахтиной¹⁰. Примечательно, что жители Куганаволока это произведение называют поэмой, в сборнике оно причисляется к присказкам.

Итак, в 2010–2011 гг. удалось совершить три краткосрочных выезда на территорию Водлозерья, во время которых были уточнены сведения об исполнителях хранящихся в НА КарНЦ РАН сказок. В настоящее время в Куганаволоке еще проживают родственники и односельчане отдельных сказочников, которые помнят о времени бытования этого жанра. Они охотно делились воспоминаниями и предоставили фотографии из семейных архивов. Собранные материалы будут использованы в дальнейшей работе над сборником сказок Водлозерья и пополнят архив ИЯЛИ КарНЦ РАН.

¹⁰ Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых: 1926–1928: По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2-х т. М., 2007. Т. 1. № 255.

*К. К. Логинов
Петрозаводск*

ИЗ ОПЫТА ВОДЛОЗЕРСКОЙ (КОМПЛЕКСНОЙ) ЭКСПЕДИЦИИ 3–14 СЕНТЯБРЯ 2011 Г.

Официального статуса «комплексной» данная экспедиция не имела. Но «де-факто» она была именно таковой. В состав полевого отряда входили представители науки Карелии (Национального парка «Водлозерский», Института ЯЛИ КарНЦ РАН, Карельского государственного краеведческого музея) и Санкт-Петербурга (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и кафедры Этнографии и антропологии исторического факультета СПбГУ). Таким образом, были объединены усилия антропологов, этнографов, археологов и краеведов. Для участников экспедиции от Санкт-Петербурга исследования на Водлозере являлись составной частью более масштабного проекта РГНФ «Антропологический состав и происхождение населения Восточного Обонежья». Работы были скоординированы между участниками так, чтобы обеспечить главную исследовательскую цель проекта РГНФ — выявить в Водлозере полноценный объект для обнаружения серийных кранио-osteологических материалов по позднесредневековому и близкому к современности населению. Поэтому базовый палаточный лагерь был устроен в западной акватории озера на о. Пога, в непосредственной близости от заброшенного средневекового погостского кладбища. Здесь же находился и ценный объект исследования петрозаводского археолога М. М. Шахновича — остатки средневекового острога Смутного времени. Остров с сохранившимися на поселении Большая Пога традиционными домами, а также многочисленными деревьями-«карсикко» представлял безусловный интерес также и для исследования его этнографами.

Для Национального парка «Водлозерский» интерес в присутствии экспедиции на его территории состоял, кроме всего прочего, в исследовании о. Белый (Иламострова) в южной аквато-

рии Водлозера, важного объекта посещений православных паломников. В 1670–1680-х гг. на этом острове укрывались Корнилий Выговский, Прокопий-нижегородец, Дионисий-поляк и др.¹ Рядом с пересохшим «заветным» (посещавшимся местным населением до середины XIX в.) колодцем парк установил часовню в виде резного столба.

Современная часовенка-столб на о. Белый, Водлозеро.
Фото А. Конкка, 2011 г.

Группа в составе заведомо Нацпарка Н. В. Червяковой, археолога М. М. Шахновича и этнографа А. П. Конкка надеялась отыскать следы старообрядческого скита и часовни и изучить деревья острова на наличие затесов-«карсикко». Поездка рассеяла прежние мифы. Оказалось, что яма, прежде считавшаяся свидетельством пребывания скита на острове, возникла естественным путем, из-за падения большого дерева. Не было обнаружено также и живописное старинное «карсикко» рядом с

¹ *Старицин А. Н.* Водлозерье в старообрядческой традиции // Ильинский Водлозерский погост: история, архитектура, эстетика, этнография / Отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск, 2009. С. 185–190.

одионочной могилой водлозерской знахарки. И вообще на этом острове, где жители традиционно заготавливали березняк для отопления своих домов, старых деревьев с особого рода зарубками оказалось совсем немного (http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=12_0и) для столь богатого на «карсикко» региона. М. М. Шахнович решительно не рекомендовал производить археологические раскопки собственно скита, иначе вместо идентичного исторического памятника Национальный парк получит прямоугольную яму в земле, из которой будут к тому же извлечены артефакты времен жизни отцов-основателей старообрядческого движения.

В целях обнаружения мест, наиболее подходящих для антропологических исследований, была совершена отдельная поездка в восточную акваторию Водлозера, в д. Путилово.

Общий вид на бывшую д. Путилово. Румбуки справа от жилого дома.
Фото А. Конкка, 2011 г.

На территории этой деревни, на так называемых Румбуках, жителям прежде не раз доводилось случайно выкапывать чере-

па. Осмотр территории вполне удовлетворил В. И. Хартановича. Румбуки (или Румбачи) он расценил как уникальный и весьма перспективный, но слишком сложный объект для работы текущей экспедиции. Для полноценных раскопок здесь потребовались бы масштабные, методически сложные и дорогостоящие работы на несколько археологических сезонов, во время которых, не исключено, было бы сделано немало новых и ценных для исторической науки открытий².

Объектом третьей, отдельной, поездки стала д. Коскосалма в северо-восточной акватории Водлозера. Закладка шурфа и разведочной траншеи, а также расспрос местных жителей (Стрекачевых) полностью подтвердил версию о хорошей сохранности случайно находимых здесь костных останков средневекового могильника. Очень важно, что местные жители не ассоциируют кости средневекового могильника с останками своих кровных предков. Они не только не высказали возражений против возможного в скором будущем проведения исследовательских работ, связанных с раскопками на могильнике, но и выразили заинтересованность в установлении научной истины. Пятнадцатью годами ранее на другом конце деревни под рухнувшим строением были обнаружены скелеты пяти «раскулаченных». В 1930 г. работы и жилья им в деревне и ближней округе не нашлось. С наступлением холодов (когда сныть стала несъедобной) эти люди просто куда-то пропали. Вряд ли их расстреляли представители советской власти: лишь один череп имел на себе повреждение непонятного происхождения, которое могло возникнуть при выкапывании его из земли.

Совокупность полученных данных позволили антропологу И. Г. Ширококову сделать самый главный вывод, ради которого петербургские антропологи уже в третий раз прибыли на берега

² Есть некоторая доля вероятности, что на Румбуках были погребены тела воинов легендарного каргопольского князя Святослава, павших при истреблении «чуди белоглазой» на Киньг-острове (предание указывает лишь место погребения павшей в бою чуди). А местом гибели этого князя и его дружины после похода «на Шуныгу» в народных преданиях водлозеров указывается «ледовое побоище» над самыми глубокими ямами озера, на которых преимущественное право лова рыбы имели жители именно Путилово.

Водлозера³. Его можно сформулировать примерно так: *местный могильник — это наиболее подходящее место для проведения полномасштабных земляных работ⁴ с целью получения материалов для изучения антропологического состава и происхождения средневекового, в том числе и дославянского, населения Водлозерья.*

Основные изыскательские работы на острове Пога были выполнены антропологами в период с 5 по 12 сентября. На заброшенной территории погоста, в северной и северо-восточной его части, были сделаны разведочные траншеи и заложены раскопы. Был выявлен ряд захоронений, относящихся к последним векам II тыс. н. э. При раскопках были прослежены следы неоднократных перекопов и перезахоронений, когда поздние погребения разрушали более старые. Фиксировались следы гробовищ, скрепленных коваными гвоздями, и разрозненные костные останки. По всей вероятности, местные жители старались совершать захоронения поближе к церквям, фундаменты которых сохранились в относительно хорошем состоянии. По косвенным признакам можно предполагать, что на заброшенной северной и северо-восточной территории погоста располагается около 200–250 погребений. Отмечена систематическая крайне плохая сохранность скелетных останков. На многочисленных вскрытых погребениях не было обнаружено ни одного черепа, пригодного для дальнейшей научной обработки. Сохранность посткраниальных скелетов также очень плохая. Вероятно, это следствие особенностей грунта — суглинок, глина с очень высокой увлажненностью. Даже

³ В 2006 г. здесь побывал руководитель проекта антрополог В. Г. Хартанович, задача которого состояла исключительно в визуальном обследовании средневековых могильников с целью выбора объекта для раскопок. В 2008 г. антропологический отряд, который не смог приступить к работе по независящим от него обстоятельствам, снабдил К. К. Логинова и А. П. Конкка всем необходимым (прежде всего транспортным средством и бензином), благодаря чему была выполнена этнографическая часть проекта в северной половине оз. Водлозеро. И. Г. Ширококов, работавший в д. Куганаволок, успешно провел сбор дерматоглифического материала. Исследование полученных материалов в стационарных условиях лаборатории в Санкт-Петербурге показало, что коренное население Водлозерья (как и Кенозерья) отличается по ряду признаков от большей части русских Европейского Севера, тяготеет к представителям древнего саамского этноса.

⁴ В рамках раскопок, разрешенных законодательством и положениями об особо охраняемых территориях.

при небольшом дожде неглубокие могильные ямы постоянно наполнялись водой. *Основной вывод антропологов по поводу остеокраниологических изысканий на Пречистенском погосте: комплекс указанных условий делает малоперспективным проведение полномасштабных антропологических исследований на о. Пога.*

Этнографические исследования на о. Пога дали неплохие результаты. Жаль, что отдаленность лагеря от жилых поселений и недостаток бензина не позволили совершить специальные выезды для работы с пожилыми информантами. Уже в первый и второй дни экспедиции были зафиксированы традиционное рыбацкое веретено, которое, судя по фанерному пряслицу, использовалось буквально до последнего времени, и традиционная резная с росписью прялка-«копанка» классического «водлозерского типа». Но больше всего бытовых предметов, инструментов и образцов мебели крестьянской кустарной выделки удалось зафиксировать в сохранившихся домах д. Большая Пога (http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=12_0и). Что касается деревьев-«карсикко», то на о. Пога они представлены весьма разнообразно. Тем не менее каких-либо исключительно оригинальных разновидностей, неизвестных в Финноскандии и на Русском Севере, здесь выявить не удалось. Однако совершенно очевидно, что среди деревьев-«карсикко» о. Пога встречается немало таких, какие не удалось зафиксировать в северной и северо-восточной части оз. Водлозеро.

«Карсикко» с поперечными прорубками в широком затесе, встречающееся на границах полевых участков в центральной части о. Пога

Детально провести все необходимые научные сравнения и сопоставления, касающиеся «карсикко» с о. Пога, видимо, предстоит А. П. Конкка, для которого деревья-«карсикко» составляют в последние годы основную сферу его научных интересов.

Изображение, напоминающее
человеческое лицо

Главной целью исследований экспедиции историко-археологического направления было выявление на Пречистинском погосте следов оборонительных сооружений начала XVII в. На территории Карелии оказалось совсем немного укрепленных «городков», которые не были бы взяты в Смутное время отрядами иностранных интервентов и донскими казаками, как их тогда называли — «черкесами». Осаду выдержал только Сумский острог, к Толвуйскому и Шуньгскому острогам неприятель даже подступиться не смог. Не посмели враги штурмовать и острог (постройки 1612 г.) на о. Пога, хотя большую часть деревень в окрестностях Пречистинского погоста пожгли, а жителей поубивали⁵. Предпо-

⁵ *Логинов К. К.* Историческая справка о поселениях Водлозерья: география, топонимия, история, демография, фольклор и этнография. Часть III. I. Поселения Водлозерского Пречистинского погоста <http://www.vodlozero.ru/nauka/tradic/Vodlozero-village-history-ethnography.html>

лагалось, что захоластный острог на о. Пога по своим размерам не мог идти ни в какие сравнения с Сумским (вместившим народное ополчение и жителей едва ли не всего Поморского берега Карелии) или Толвуйским острогом (вмещавшим в себя дома «лучших людей», а также священников Шуньгского, Толвуйского и Челмужского погостов, а также Кузаранды⁶). Однако насколько был мал или велик Пречистенский острог, предстояло выяснить.

Следы средневековых укреплений в виде остатков рва и вала, разделявших погост на южную и северную половины, на большей части своей протяженности едва уловимы для глаз неспециалиста. Повышение и, соответственно, понижение грунта в норме не превышает полуметра, как и на всех иных «острожках» Карелии периода Смутного времени. Однако в средней своей части ров имеет глубину до 1,5 метра (по грудь взрослому человеку), ширину — 10, длину — 49 шагов, а наибольшая высота вала над естественным уровнем грунта здесь доходит до 1,6 метра. Дело в том, что даже после постройки Олонецкой крепости и перебазирования в 1649—1651 гг. в эту крепость всех стрельцов и пушкарей «на Олонец» острог на о. Пога продолжал использоваться, но уже исключительно для подготовки новобранцев из местных крестьян. Здесь они, вплоть до отмены в 1666 г. закона о «пашенных солдатах», учились преодолевать позднесредневековую «полосу препятствий» под руководством иностранных офицеров, расквартированных в д. Большая и Малая Пога.

Не только «полоса препятствий» удивила исследователей. Поскольку ров и вал разделяли пополам, а не опоясывали всю территорию погоста, возникал вопрос, что же собирались оборонять в начале XVII в. защитники острога. Судя по следам рва и вала, которые обоими концами поворачивают на северо-восточную сторону к крутому, едва ли не отвесному обрыву, то только церковь — главную святыню погоста — и могилы предков. Видимо, предполагалось, что дома церковного причта и колокольня (следы от былых срубов четко прочитываются в земле вдоль гораздо более покатога обрыва на южную сторону острова) сами по себе будут служить оборонительными сооружениями. Если точно такой же была структура острогов в Вытегре, Андоме, Мегре, Оште, Челмужах и на Выгозере, то неудивительно, почему они с легко-

⁶ Толвуйский острог в 1628 г. // Олонецкие губернские ведомости. 1891. № 100.

стью были захвачены интервентами и «черкесами». Долгую оборону за валом и тыном, отгораживающим только церковь и кладбище, выдержать невозможно. За стенами такого острога нет места для запасов оружия, пороха и провианта, там нет обогреваемого жилья для размещения защитников и т. д. Впрочем, не исключено, что острог на о. Пога имел уникальное, больше нигде не повторившееся обустройство оборонительными сооружениями.

Попытку выявить следы от частокола на крутом склоне М. М. Шахнович предпринял, заложив узкий и короткий шурф на северо-восточной окраине огороженной территории. Он был абсолютно уверен в получении ожидаемых результатов. Однако действительность оказалась иной: в шурфе не было следов бревчатого частокола, но был тлен от идущих параллельно земле бревен. Иными словами, со стороны крутого обрыва стена не представляла собой частокола, а выглядела подобно сохранившимся стенам Ильинского погоста (!). Сделать еще один шурф и выяснить, частокол или стена имелись на валу со стороны, обращенной к домам причта, к сожалению, не хватило времени.

Много любопытных находок, имеющих отношение к периоду существования острога на о. Пога, было сделано в ближайших окрестностях. В заливе, подступающем к крутому обрыву с северо-востока, обнаружилось сразу 10 мест (по 3 справа и слева от залива, остальные — ровно посередине), освобожденных от камней для удобства вытаскивания судов на берег. Укажем, к примеру, что у д. Вачилово (Михайловской), где сейчас расположен рыбацкий стан, таким точно образом было создано всего лишь одно место для причаливания лодок, а в д. Колгостров, состоящей из 40 домов, — два (правда, там имелся небольшой песчаный пляж). У мест причаливания грузовых судов не нашлось ни одной сколько-нибудь заметной тропки, ведущей в гору, и не было ни одного дерева-«карсикко», которым местные жители обязательно бы поместили тропу, если бы ею пользовались в последние 150—200 лет.

Возможно, деревья такие раньше были, но давно уже упали и сгнили, ведь начало подъема со всех других сторон (они не в пример более покаты) и в наши дни обозначены деревьями-«карсикко». Примерно на середине крутизны над заливом, ровно под «серединными» местами для причаливания грузовых судов, имеется выровненная площадка из камней. Это не «камени-

ца», которую собирают на поле, чтобы не мешали пахать землю. Видимо, грузы при строительстве острога поднимали в два приема: сначала на эту площадку, а потом уже на самый верх. От западной оконечности вала к указанной площадке виден след едва заметной старинной тропинки. В западной части залива у самой воды прослеживается неширокая дорога, заканчивающаяся выходом на мыс. Дорога продолжается и под водой таким образом, что по ней легко перейти вброд или переехать на телеге на соседний остров. Там, где эта дорога выходит на соседний остров, видна площадка 2 на 4 м, выложенная из больших ровных камней, а от нее — снова тележная дорога, ведущая в обход возвышенности к обширному полю на 8—10 га покосной земли. На ней без труда смогла бы разместиться средневековая слобода для проживания в ней стрельцов и пушкарей с их семьями.

Оборонительную роль, видимо, играли обнаруженные нами углубления, напоминающие стрелковые ячейки, на вершинах трех островов, прикрывающих подходы со стороны водной глади к погосту. Но не исключено, что это следы времен Гражданской войны. О событиях тех времен безмолвно напоминает памятник трем расстрелянным красноармейцам в заброшенной ныне д. Большая Пога.

А. П. Конкка
Петрозаводск

САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ КЕНОЗЕРЬЯ: ПОЧИТАЕМЫЕ РОЩИ, КЛАДБИЩА И ОБЕТНЫЕ КРЕСТЫ

Священные, святые, заветные или почитаемые рощи — это неполный список названий природных сакральных объектов, имеющих (или имевших) широчайшее распространение в мире и, в частности, на территории современной России. Наибольшее количество сведений о них сохранилось в зоне хвойных и смешанных лесов, а в некоторых регионах (например, на Кавказе, в Сибири, Поволжье и на Европейском Севере) заветные, жертвенные рощи функционируют до сих пор.

Почитание рощ и отдельных деревьев известно с глубокой древности¹. Устными преданиями, а в некоторых случаях и археологическими изысканиями подтверждена преемственность многих «святых мест» на Севере от «летописной чуди» (часто имеются сведения о почитании природных объектов вблизи древних городищ и могильников). Подобное явление было отмечено еще Николаем Харузиным в его классическом труде о верованиях крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии на примере пудожских «заповедных лесов» и кенозерских рощ². Это одна из типологических линий развития в виде сохранения традиции, выражавшейся в почитании рощ (пусть даже частично или полностью посаженных руками человека на сакральных местах).

На достаточно компактной территории Кенозерского национального парка, по последним данным, известны сведения о 48 почитаемых (или почитавшихся ранее) рощах. Большинство из них в том или ином виде сохранилось. На Кенозере не только удивительное количество сохранившихся заветных

¹ См., напр.: *Фрэзер Д. Д.* Фольклор в Ветхом Завете. Гл. 7. Священные дубы и терпентинные деревья. М., 1990. С. 380–396.

² *Харузин Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии. М., 1889.

рощ (в этом отношении Кенозерье сопоставимо только с мари́йской или удмуртской традицией), но и большое количество часовен внутри них. Относительно соотношения часовен и рощ у исследователей сложилось двойственное мнение: по некоторым рассказам кенозерцев можно сделать вывод, что какие-то рощи были посажены вокруг часовен, но были и издавна существовавшие рощи, внутри которых позднее строились часовни³.

Деревня Вершинина, вид с Кенозера. Справа – силуэт Тихвинской рощи. Фото А. Конкка, 2009 г.

В то же время если обратиться к некоторым дореволюционным описаниям из соседних регионов, то у М. К. Герасимова относительно череповецких рощ читаем: «Такие рощи состоят большей частью из сосновых больших деревьев величественного вида и служат в настоящее время даже некоторым украшением местности... Признаками почитания этих рощ служат: во 1-х, их неприкосновенность, то есть они по общему согласию общества «заповеданы» подобно священным рощам древних народов; во 2-х, около многих рощ выстроены в новейшее время часовни, причем не нужно думать, что рощи насажены после устройства селения

³ *Теребихин Н. М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 70.

и получили свою святость от часовни, так как эти рощи состоят из вековых великанов, в сравнении с которыми настоящие леса кажутся молодыми»⁴.

О двух типах рощ (посаженных крестьянами и тех, о происхождении которых молва умалчивает) говорил также Николай Харузин⁵. Итак, часть рощ была «искусственного» происхождения, то есть высажена вокруг часовен. Н. Харузин повествует о том, что методом «проб и ошибок» жители выясняли, желает ли местный святой, чтобы вокруг посвященной ему часовни стояли деревья, и только если посаженная роща не приживалась, делался отрицательный вывод и попытки ее посадки прекращались.

Однако это не дает ответа на возникающий вопрос: откуда у крестьян это необоримое стремление к созданию или поддержанию «зеленых насаждений» вокруг часовен? Думается, что частич-

⁴ Герасимов М. К. Некоторые обычаи и верования крестьян Череповецкого уезда, Новгородской губернии // Этнографическое обозрение. 1895. № 4. С. 124.

⁵ «По своему происхождению, эти священные рощи могут быть подразделены на 2 разряда: одни происхождения недавнего, посажены при отцах, дедах современных крестьян; другие стоят уже так давно, что никто и не запомнит, как и когда эти рощи выросли на этом месте. Что касается первой категории священных лесов, то необходимо оговориться, что и до сих пор у пудожских крестьян сохранилась тенденция обсаживать вновь строяемые часовни деревьями; если деревья принимаются, значит Угодник желает, чтобы его храм стоял в тени посаженных деревьев. Если деревья не примутся или будут уничтожены ветром или бурей, или другим каким-либо способом, то крестьяне несколько раз повторяют свой опыт и, если он оканчивается по-прежнему неудачей, считают это несомненным признаком того, что Святой тени не желает, и часовню оставляют стоять без деревьев. К таким, между прочим, относится другая часовня, стоящая у деревни Вершинина, на горе, поднимающейся тотчас за деревней; часовня посвящена Св. Николаю. Не лишен интереса и тот факт, что в том случае, если лес не растет около часовни, земля, ее окружающая, считается все-таки достоянием Святого, и местные жители остерегаются ее запахивать.

Что же касается тех рощ, времени происхождения которых крестьяне не запомнят, то они невольно наводят на вопрос, не составляют ли они остаток священных языческих лесов, в которых приносились жертвы другим народом, народом язычником, жившим здесь задолго, быть может, до прихода сюда русских, которые наряду со многими суевериями унаследовали и это почитание рощ. Это предположение находит себе подтверждение в том, что в числе священных рощ до сих пор встречаются еще такие, которые не освящены присутствием в их глубине христианской святыни: ни часовень, ни храмов, ни даже простых деревянных крестов» (Харузин Н. Из материалов... С. 56–58).

но на этот вопрос отвечают материалы Тенишеского архива по Вытегорщине (Олонецкая губерния), приведенные в статье О. Т. Кирсановой: «В приходскую свою церковь жители Куржексы ходят редко, да и то немногие, а Богу молятся каждый воскресный и праздничный день очень усердно в своей кладбищенской часовне. Часовня эта расположена <...> в роще на обрывистом берегу маленькой речки»⁶. Таким образом, молитва в своей роще, да еще на деревенском кладбище, где лежат кости предков, несомненно, была для носителя языческого по своей сути мировоззрения предпочтительнее посещения мест официального отправления культа.

Залазь — сосна с обрезанными ветвями в Тихвинской роще, д. Вершинина. Фото А. Конкка, 2009 г.

Родовой (фамильный) знак, вырезанный в коре березы в Тихвинской роще, д. Вершинина. Фото А. Конкка, 2009 г.

«Священная роща» выполняла роль родового святилища, изначально ассоциируясь с обиталищем родовых духов, каковым она,

⁶ Кирсанова О. Т. Дерево как прообраз человека в мифологическом сознании // «Кенозерские чтения-2009». Этнокультурный ландшафт Кенозерья: на пересечении гуманитарных и естественных наук: Материалы IV Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Е. Ф. Шатковская. Сост. Н. М. Мелютина. Архангельск, 2011. С. 178.

скорее всего, ранее являлась повсеместно, а в некоторых местах, как то в Поволжье и на Кавказе, таковым является и поныне⁷.

Выше была обозначена одна существенная деталь: роща находилась на крутом берегу реки. Относительно мест расположения традиционных кладбищ известно, что во многих местах на Севере деревенские кладбища находились «за водой» по отношению к поселению, что исследователи объясняли, с одной стороны, боязнью покойников (водная преграда), с другой же стороны — мифологической картиной мира, связывающей потусторонний мир с водой. Что же касается кенозерских рощ (речь идет о часовенных рощах, не являющихся кладбищами), следует заметить: большая их часть тоже так или иначе была связана с водой. Значительное

⁷ «Интересен и тот факт, — пишет Н. Харузин, — что около часовен, если и не всех, то очень многих, происходят игрища: например на Иванову ночь (в тех местностях, где эта ночь празднуется). Этот факт, несомненно, доказывает относительно тех часовен, где эти игрища происходят, что они построены на местах, к которым так или иначе присоединялись языческие верования» (*Харузин Н.* Указ. соч. С. 61). М. Н. Мелютина в своей диссертации собрала некоторые факты, связанные с календарными обрядами в рощах: «Роща есть место соборное, где проводились сельские обрядовые праздники», — отмечает фольклорист Н. М. Ведерникова. Н. С. Шайжин в начале XX в. зафиксировал «случаи игрищ, устраиваемых в Ивановскую ночь около часовенных и церковных рощ, например <...> у часовни Св. Николая на Кенозере». В экспедиционных материалах Н. М. Ведерниковой записана информация о Пасхальном празднике в д. Майлахта, одним из действий которого было катание пасхальных яиц с горки в роще. «В праздник Иван-день в ночь искали в «заветных» местах святых рощ папоротник, в праздник Егория у часовни в деревне Минино устраивали в святой роще пляски под балалайку и гармонь, гуляние длилось до самой ночи, в престольный праздник Тихвинской Богоматери в деревне Горы вечером шли к святой роще, и там было гуляние», — сообщает этнограф А. Н. Давыдов. Зафиксирована информация о ритуальных трапезах в святых рощах, посвященных православным угодникам. В урочище Немята, где располагается часовня с посвящением Трех Святителей, на «утреннюю беседу» — общий завтрак с пирогами — собирались жители близлежащих деревень. Трапезу организовывали и в святой роще у часовни в деревне Челме — варили кашу в общем котле, чтобы есть всем «собором», а затем призывали святых: «Кузьма-Демьян, идите ести к нам!» До конца 1960-х гг. сохранялась традиция танцев на мосту, отделяющем священную рощу от деревни: «Как в Духов-то день пляска откроется, все на мосту плясали под гармошку или балалайку» (*Мелютина М. Н.* Священный хронотоп культурного ландшафта Русского Севера (по материалам Кенозерского национального парка): Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тула, 2011. 23 с.). О кенозерских часовенных праздниках см.: *Мелютина М. Н.* Священный календарь Кенозерья // «Кенозерские чтения-2009». Этнокультурный ландшафт Кенозерья...

количество рощ на оз. Кенозеро находится на берегу, однако и во многих тех рощах, которые расположены на возвышенностях или на скатах гор, обнаруживаются родники, ручьи или частично пересохшие озера, как в уже упоминавшейся Тихвинской роще в д. Вершининой.

Таким образом, в расположении рощ можно наблюдать элементы «сакральной топографии»: это гора или ее скат (на что также указывает Н. Харузин), берег озера, источник, ручей или водоем внутри рощи, а также преимущественно хвойный лес, состоящий, как правило, из больших старых деревьев (до 200 лет и более), многие из которых представляют собой деревья-знаки с функцией охранения, обозначения мифологической границы и сакрального места как такового.

Высыхающее озеро в Тихвинской роще, д. Вершинина.
Фото А. Конкка, 2009 г.

Священные места у многих народов представляли собой некую «микромодель» окружающего мира, в которой присутствовали наиболее важные, мифологически значимые природные элементы: гора, водоем, остров, почитаемый камень, жертвенное

дерево (или деревья), источник⁸ и т. д. Одновременно это была и сакральная точка пространства, через которую происходил контакт с потусторонними силами.

Старая сосна с поклонным крестом
под ней, д. Зехнова.
Фото А. Конкка, 2006 г.

Говоря об особенностях кенозерских рощ, стоит обратить внимание на то, что в них (по крайней мере, во всех 22-х нами обследованных в 2002–2011 гг.) имеется большое количество деревьев-знаков (кар. карсикко, арханг. и волог. залазь), то есть деревьев с обрубленными сучьями, вершинами и вырезанными на стволе за-

⁸ Н. М. Ведерникова зафиксировала также факты «делания Иордана» (проруби для купания в Крещение) в ручьях, находящихся в заветных рощах деревень Тырышкина, Горбачиха и Тырнаволок (*Ведерникова Н. М. Фольклор как способ отражения культурного ландшафта: по материалам экспедиционных выездов 2000–2002 гг. // Культурный ландшафт как объект наследия / Сост. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова, Н. М. Ведерникова и др. М.: СПб., 2004. С. 288).*

тесями и другими пометами⁹. На некоторых из них в стволах вырезаны кресты. Подобными деревьями-знаками были и отдельно стоящие заповедные ели и сосны на окраинах деревень (на границах поселений) и развилках дорог, то есть там, где во многих местах ставились кресты и часовни.

Известно, что во многих рощах стояли поклонные кресты, то же и у отдельных почитаемых деревьев. Таковы, например, до наших дней сохранившиеся сосны с деревянными крестами под ними близ д. Поромской, в д. Зехновой (раньше здесь было два таких креста), близ д. Телицыной («Малый крест»), в д. Майлахта (под старой елью) и пр. Н. М. Ведерникова в своей статье приводит сведения об обетных крестах на месте часовни в километре от д. Майлахта по дороге в Ошевенск (раньше по ней богомольцы ходили в Ошевенский монастырь). Один из них «очень старый, почерневший, поставленный по «завету» во искупление вины за распиленную на дрова ель («святое» дерево)»¹⁰. «Локальное сообщество, — пишет Н. М. Ведерникова, — связывает со священной сосной (у которой стоит крест в Зехновой — А. К.) знахарские поверья: «Если прислониться к сосне, все хвори уйдут»¹¹. В 2011 г. выявлен и зафиксирован на фото обетный крест в 1,5 км от д. Мининой (пользовался особым почитанием у охотников, которые приносили дары и просили удачи у лесового); получены сведения об обетном кресте в местечке Романово около д. Печихиной, приношением которому служили ягоды и пелены, а также поклонный крест в Роймовой на месте часовни Петра и Павла.

⁹ Конка А. П. Освоение жизненного пространства: панозерские карсикко // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 214–230; Его же. Карта сакральных мест: в поисках утерянных ориентиров // Водлозерские чтения: Естественнонаучные и гуманитарные основы природоохранной, научной и просветительской деятельности на охраняемых природных территориях Русского Севера. Петрозаводск, Национальный парк «Водлозерский», 2006. С. 187–201. Его же. Дерево у могилы. На кладбищах северо-восточной Карелии // Вестник исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 2007. С. 209–216. *Он же*. Марийские деревья-знаки: маркеры сакральных границ // Вестник РГНФ. М., 2007. № 4 (49). С. 217–229. *Он же*. Деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2011. И др.

¹⁰ Ведерникова Н. М. Указ соч. С. 302.

¹¹ Ведерникова Н. М. Указ. соч. С. 290.

Крест под сдвоенной сосной-залазью
со следами затесов близ д. Поромской.
Фото А. Конкка, 2009 г.

«Крест — предшественник часовни», — справедливо замечает Н. М. Ведерникова, приводя рассказ о построенных вокруг крестов в Майлахте и Зехновой деревянных «футлярах» — будущих часовнях¹². Заметим, что материалы, свидетельствующие об установке крестов под «заветными» деревьями, которые впоследствии были «переоборудованы» в часовни (вначале над крестом устанавливалась крыша, а впоследствии и дощатые стены, при том, что фасадная стена могла отсутствовать), зафиксированы автором данной статьи в значительном количестве также в Карелии. Таким образом, триада дерево — крест — часовня находит свое подтверждение и по кенозерским материалам. Известное выражение жителя д. Зехновой Н. П. Капустина «молились елочке и часовне» вполне согласуется с этим тезисом¹³. «В севернорусском культе священных рощ и деревьев, — замечает М. Н. Ме-

¹² Ведерникова Н. М. Указ. соч. С. 301.

¹³ Там же. С. 288.

лютина, — поражает органичное сочетание архаики с живым религиозным творчеством¹⁴. Практики почитания и маркирования святых деревьев транслируются до сегодняшнего дня. Живописная сосна, возраст которой более 200 лет, у автомобильной дороги Конево — Усть-Поча приобрела ритуальное значение в новейшее время. На дереве привязаны многочисленные ленточки, которые оставляют местные жители, уезжая из родных мест. По мнению фольклориста Н. В. Дранниковой, сосна стала своеобразным деревом исполнения желаний или «современным аналогом обетного креста»¹⁵.

Роща близ д. Мининой. Фото А. Конкка, 2011 г.

¹⁴ Мелютина М. Н. Священный хронотоп культурного ландшафта Русского Севера (по материалам Кенозерского национального парка): Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тула, 2011. 23 с.

¹⁵ Дранникова Н. В. Мифологический ландшафт Кенозерья // Поморские чтения по семиотике культуры. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера / Отв. ред. Н. М. Терехин, ред.-сост. А. О. Подоплекин, П. С. Журавлев. Архангельск, 2008. Вып. 3. С. 128.

Одной из особенностей заповедных рощ были запреты на любую хозяйственную деятельность внутри них, не говоря уже о порубках и нарушении их целостности. Запрет подкрепляется также иллюстрацией последствий такого поведения, выраженного через былички (бытовые рассказы о конкретном лице, нарушившем запрет). Такие рассказы были распространены практически во всех местах, где до последнего времени сохранялась традиция почитания рощ, например, в Поволжье.

М. К. Герасимов сообщает: «...Существует много рассказов о том, что кто покушался срубить хоть одно дерево из этих рощ, то с ним вскоре же случалось какое-нибудь несчастье: либо ослепнет, либо захворает и умрет»¹⁶. Николай Харузин как яркий пример суеверного отношения крестьян к заповедным рощам упоминает «рощу, окружающую часовню, выстроенную во имя Тихвинской иконы Божией Матери, на берегу Кенозера, недалеко от деревни Вершинина... Рубить деревья, брать из рощи хворост считается тяжким грехом; мало того, даже ломать деревья и ветви растущих в роще деревьев греховно по понятиям крестьян. Среди населения ходит целый ряд рассказов, что такой-то или такая-то хотели срубить дерево или взять из рощи хворост, но что либо невидимая сила воспрепятствовала им сделать это, либо, совершив святотатство, они были наказаны или слепотой, или отнятием рук и ног. Нет почти ни одной рощи, о которой бы не ходили в огромном количестве подобные рассказы»¹⁷. Н. М. Ведерникова приводит некоторые примеры отношения к рощам: «Туды с топором не сунешься — грех большой» (Н. П. Капустин, д. Зехнова)¹⁸. Устные повествования сохранили свидетельства «кары за святотатство»: «Несколько лет назад двое мужчин срубили дерево в священной роще в деревне Тырышкино. У одного из них вскоре слезли ногти на руках и ногах, а его помощника разбил паралич» (В. Ф. Федотов, д. Тырышкино)¹⁹.

По нашим материалам (в том числе по рассказу Н. М. Пюхтиной из д. Мининой на Кенозере, записанному в 2011 г.), в рощах нельзя было громко говорить, смеяться, свистеть, ничего нельзя было собирать с земли, трогать деревья — ломать ветки, рубить

¹⁶ Герасимов М. К. Указ. соч. С. 124.

¹⁷ Харузин Н. Указ соч. С. 55–56.

¹⁸ Ведерникова Н. М. Указ. соч. С. 289.

¹⁹ Устное сообщение М. Н. Мелютиной.

деревья (неоднократно замечалось, что не следовало убирать даже упавшие деревья). В рощах «водит» (люди могут плутать), «чудится» — в мининской роще чудилось, что «голая» Богородица плачет, жалуется на холод (этим обстоятельством объясняли, в частности, «заветы» — когда местные женщины приносили в часовню Казанской Богородицы отрезки материи и трикотажа). В д. Телицыной рассказывали, что местная роща была «сильной», там ворожили, приходили колдовать.

Затесы на старых высохших деревьях
в Мининской роще.

Фото А. Конкка, 2011 г.

Каким же образом в таком случае эти верования соотносятся с тем, что большинство почитаемых рощ на Севере (а также в Поволжье) обозначены деревьями, на которых топором или ножом нанесены нарезки, зарубки и сделаны затесы? Данное противоречие снимается только одним рассуждением: нанесение знаков на деревья «святой» рощи было действием ритуальным, связанным с определенными датами календаря или другим обрядовым поведением. Всякое другое, профанное действие находилось под строгим запретом²⁰. Все сказанное выше относительно запретов и

²⁰ Конкка А. П. Марийские деревья-знаки...

обрядового поведения посетителей рощ в полной мере относится и к рощам кладбищенским.

Исследование современных кенозерских кладбищ как феномена культуры, в котором переплетаются древнейшие представления с новейшими влияниями моды (в основном это касается оформления могил), как и шире — исследование по возможности всех сакральных объектов Кенозерья, т. е. создание карты сакральных мест, имеет существенное значение не только с точки зрения прояснения, скажем, мифологической картины мира раннего населения данных мест, но и с точки зрения этнической истории региона. Помимо внешнего вида погребальных сооружений существует целая система связей кладбища с окружающим миром, как мифологических, так и чисто материальных, имеющих, как правило, глубинные корни.

Наши материалы представляют собой не только сведения о материальной атрибутике похоронной обрядности, но также и о символической природе вещей материального мира традиционной культуры в целом. Кладбище — место, где наглядно актуализуются представления об окружающем мире и, в частности, верования, связанные с миром потусторонним. Расположение кладбищ на местности относительно поселения, ориентировка могил, состав произрастающих в кладбищенской роще пород деревьев, использование растущего дерева в качестве одного из атрибутов погребального обряда, форма надгробных сооружений, оград, декоративные элементы и используемые при их окраске цвета имеют свои особенности на определенной территории и связаны с древними представлениями о мире, унаследованными современным населением от этнических предков, или обыкновением, доставшимся им в наследство от предыдущих насельников.

Собранный материал по кладбищам Северо-запада, в том числе по кенозерским кладбищам, можно представить в следующем порядке:

1. Общие сведения о расположении кладбищ относительно поселений и ориентации могил, о деталях ландшафта и водоемах, о наличии кладбищенской рощи и ограды вокруг нее, сведения о породах деревьев, ее составляющих, о почве и пр.
2. О деревьях-знаках по дороге на кладбище и в самой роще. О некоторых функциях дерева на кладбище: захоронение под деревом или дерево у могилы, дерево в качестве надгробного памят-

ника (знаки на дереве), хранение на дереве или под ним атрибутов похоронно-поминального обряда.

3. Огораживание могил. Форма, величина и специфические особенности оград. Наличие особо огороженных родовых или семейных захоронений. Количество огороженных и неогороженных могил. Величина земляных надгробных холмиков, обкладывание их дерном или мхом. Наличие каменной обкладки могил. Камни на могиле.

4. Надгробные сооружения из дерева. Домовины, срубы и «ящики» из досок. Надгробные столбцы и кресты. Их величина, форма и количественное их соотношение. Доски на могиле (кар. калмалаута). Наличие местной специфики надгробных сооружений. Механизмы сохранения традиции: связь надгробных сооружений с элементами декора жилых и хозяйственных строений.

5. Цветовая гамма надгробных сооружений и предметов ритуального характера, оставляемых на могиле. Преобладающие цвета и характер их использования. Отражение традиционных цветов крестьянского быта в оформлении надгробных сооружений и в предметах поминального культа.

Из этого списка здесь мы представим сведения, которые удалось собрать по двум первым разделам, т. е. расположение кладбищ на местности по отношению к поселениям и окружающему природному ландшафту, а также материалы по наличию на кенозерских кладбищах или вблизи них особо отмеченных деревьев или деревьев-знаков.

Начало исследованию кенозерских кладбищ было положено в 2002 г., когда мы в составе небольшого отряда, наряду со сбором фольклорного и этнографического материала (совместно с Ю. И. Ковыршиной), посетили 10 кладбищ в районе Кенозера. Благодаря помощи жителя д. Вершининой Михаила Губина мы побывали на кладбищах, находящихся за водой, на островах и отдаленных мысах Кенозера, которых оказалось большинство. В 2009 г. в рамках проекта РГНФ группа исследователей работала в восточной части Кенозерского национального парка, на Лекшмозере. Что касается первого пункта вышеприведенной программы исследования кладбищ, т. е. сведений о месторасположении кладбищ относительно поселений, которые возможно связать с представлениями о расположении мира мертвых относительно сторон света, картина на Лекшмозере вырисовывается следующая.

Деревня Морщихинская: старый погост находится на северо-западном берегу Лекшмозера, захоронения в 20 м от воды, на высокой береговой террасе, поселение располагается на север по отношению к погосту. Современное кладбище находится на такой же террасе, примерно в 80 м от берега, напротив часовой (часовня Флора и Лавра) Дьяковской, по направлению на юго-восток от центра Морщихинской.

Деревня Орлова: действующее кладбище находится на холме на южной окраине поселения, состоящего из пяти частей (или пяти деревень), расположенных вдоль западного берега Лекшмозера.

Деревня Труфанова: деревенское кладбище находится на территории бывшего Челмогорского монастыря, в 4 км от центральной части Труфановой — деревни Казариновской. Кладбище расположено в южном направлении по берегу Лекшмозера.

Так же, в южном направлении от церкви, на берегу Масельгского озера расположено приходское кладбище Масельгского погоста, в 9 км от Морщихинской.

В районе Кенозера, в северной части парка, стройная лекшмозерская картина расположения кладбищ претерпевает изменения. Здесь появляются новые тенденции. Некоторые погосты и кладбища в Вершининой, Ведягиной (в южной части Кенозера), кладбище Усть-Почи на о. Боровом на Свином озере, кладбище д. Печиной и Ершовой в губе Шуйлахта того же Свиного озера, Порженский погост по отношению к д. Окатовской и Федоровской на Порженском озере, д. Думиной на оз. Черном в средней части парка — все эти кладбища расположены строго на юго-восток от поселений или кладбища находятся в юго-восточной части деревень.

Если в населенных пунктах, расположенных на восток от границы территории парка, сохраняется южное направление в расположении кладбищ, то в некоторых соседних населенных пунктах к западу и северо-западу от территории Кенозерского парка, таких, как Глубокое озеро и Верхнее Волошово, кладбища расположены на западе и северо-западе от поселений. Несколько западнее Верхнего Волошова, по одному из ответвлений исторического Кенского волока, в д. Яблонь-Горка на оз. Волоцком, наблюдается уже северное месторасположение кладбища по отношению к поселению, а в Пялозере — северо-восточное.

Здесь следует отметить и соседнюю, пудожскую тенденцию (т. е. речь идет о территории Карелии): на Пелусозере, Усть-Реке (Колодозере) и Кривцах кладбища в основном расположены на север и северо-запад от поселений.

Помимо вышеобозначенной южной ориентации расположения кладбищ на оз. Кенозеро зафиксированы и другие факты. Действующее кладбище бывшего Ряпусовского погоста на юго-востоке Кенозера расположено на северо-запад от центра его на о. Ряпусном. Современное кладбище д. Першлахты под названием Монастырь находится в 4,5 км от Першлахты, на северо-восток от деревни по реке Кена, вблизи населенного пункта Коровино. На некоторых кладбищах на островах Кенозера хоронили из многих окружающих деревень, и иногда уже трудно установить тенденции, существовавшие во время основания кладбищ.

О чем могут нам в данном случае рассказать различия в расположении кладбищ? В любом случае территория вокруг Кенозера отличается от той картины, которую мы наблюдаем на Лекшмозере, где постоянно присутствует южное (юго-западное, юго-восточное) направление в расположении кладбищ относительно поселений. Южная ориентация, судя по некоторым данным, характерна в целом для Каргопольщины, и в данном случае наши факты подтверждают известные выводы этнографов, лингвистов и исследователей народного зодчества о том, что Лекшмозерье не только по административному делению, но и по своей культуре тяготеет к Каргополю, тогда как на Кенозере картина усложняется, и, помимо каргопольского влияния в его южной части, в северной и восточной частях явственно ощутимы исторические связи с карельским Пудожьем (в том числе с Водлозерьем) и более северными районами Архангельской области, например Онежским.

Отметим здесь и ту особенность, что в Кенозерье кладбища имеют свои названия. Некоторые связаны с ближайшими географическими объектами, некоторые имеют совершенно самостоятельные названия, что встречается вообще нечасто и может говорить об определенной древности этой структуры: Три Ивана, Скоморохова, Монастырь, Пустошь и т. д.

Ориентация могил на кладбищах на территории Кенозерского парка, а также в прилегающих к нему более западных местностях в основном традиционно северо-восточная и восточная

(речь идет о направлении, в котором устанавливался крест). Все кладбища расположены, как правило, на возвышенных местах, в рощах, состоящих из смешанного леса с преобладанием сосны (в некоторых случаях ели), на песчаных почвах. Вокруг кладбищ или внутри них встречаются заросли можжевельника, нередко — рябина, дерево, которое в некоторых местностях вблизи берегов Белого моря высаживали на могилах или вблизи них. К тому же рябина — обычное дерево заповедных рощ, однако в Кенозерье ее можно часто увидеть посаженной около домов.

Кладбище повсеместно на европейском севере России является своего рода индикатором, по которому сразу можно определить, насколько сильна в данной местности традиция вырубания (или вырезания) ритуальных деревьев-знаков, функциями которых было обозначить дорогу душе умершего на тот свет и оградить живых от мертвых в этом мире²¹.

В кладбищенской роще, по традиционным понятиям жителей Карелии и других местностей Севера, без особой надобности ничего трогать было нельзя (собирать ягоды или грибы, ломать ветки или рвать листву, рубить деревья). Особая надобность в данном случае связана с самими похоронами (рытьем могилы) и тем, что необходимо для совершения обряда, в том числе с вырубанием залази, одной из функций которой была функция погребального знака (на дереве могли вырезаться родовой знак, инициалы покойного и дата смерти). Формы залазей на кенозерских кладбищах и вблизи них (на местах причала лодок на берегах и по ведущим к ним тропам) разнообразны и не уступают в этом отношении деревьям-знакам в кенозерских рощах. Материалы кенозерских экспедиций постоянно пополняются и обрабатываются. В среднесрочной перспективе нашей задачей является создание — совместно с руководством Кенозерского парка — книги о кенозерских рощах.

²¹ Конкка А. П. Дерево на могиле... С. 210.

*А. А. Савицкий
Петрозаводск*

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ КАРЕЛИИ О ПЕРВОМ ПОСЛЕВОЕННОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ

Среди источников, иллюстрирующих восприятие населением органов власти, важное место занимают воспоминания. Они позволяют прикоснуться к жизненному опыту старшего поколения, посмотреть их глазами на события недавно ушедшей эпохи, почувствовать атмосферу сторон жизни, ранее известных исключительно по документам. По сути воспоминания оживляют наши представления о прошлом.

Вместе с тем не выглядят преувеличением слова о крайней субъективности данного источника. Это закономерно, поскольку, повествуя о событиях, в коих довелось поучаствовать или наблюдать со стороны, человек сообщает о своих впечатлениях, наиболее запомнившихся деталях. Оценка событий, которую им дает рассказчик, конечно, не объективна. Нередко больший интерес вызывает не сама информация, излагаемая респондентом, а особенности его восприятия событий.

Отличается у рассказчиков и стиль изложения. Часть из них делится воспоминаниями о послевоенном десятилетии, выступая с позиции стороннего наблюдателя. Респондент в таком случае придерживается отрешенного повествования, не анализируя причин событий и побудительных мотивов у действующих лиц. Другая, меньшая часть, активно сопоставляет факты, делает самостоятельные выводы, стремится объяснять собеседнику суть описываемых событий. Приверженность к стилю повествования, очевидно, не задана ни гендерными, ни национальными характеристиками. Определяющим здесь является уровень образования. Приверженцы активного стиля, как правило, имеют высшее образование.

Подходить к анализу воспоминаний следует критически. Ведь они по сути своей субъективны. Да и процесс извлечения фактов из памяти совершается в крайне отдаленный хроноло-

гический момент от описываемых событий. За минувшие годы человек существенно изменился, его взгляды на жизнь также не остались прежними. Разрозненные воспоминания выстраиваются в целостную картину в соответствии с существующими в настоящий момент ценностями, изменившимися в результате развития (или деградации) личности, влияния знакомых или СМИ.

Существуют различные способы анализировать исторические источники. При подготовке данной статьи использовался статистический анализ текста в совокупности с методом интерпретации образов, сформулированным Ллойдом де Мозом. В данном случае использовался следующий алгоритм действий. Текст воспоминаний подвергался статистической обработке, нацеленной на выявление слов, которые можно отнести к государственно-административной лексике. Далее выявлялись и интерпретировались метафоры, символы, сравнительные обороты. Метод предполагает и особенное внимание по отношению к словам, используемым не по назначению.

Анализ образов и сравнительных оборотов, используемых респондентами в ходе повествования, дает представление о бессознательном восприятии государства и советского строя в целом. Наряду с логическими выводами и рациональными рассуждениями образный компонент дает более широкое представление об отношении людей к органам власти и явлениям общественно-политической жизни в послевоенный период.

Заслуживает внимания факт нечастого упоминания органов власти и Коммунистической партии. Вероятно, сказывается привычка аккуратно высказываться на эти темы. Например, в 2-часовом интервью, при расшифровке уместившемся на 12 страницах, слово «государство» упоминается моим собеседником лишь трижды.

Респонденты, дающие оценку описываемым событиям, упоминают партийные структуры, а также органы власти и управления в контексте изложения собственной жизненной истории. Приверженцы нейтрального стиля изложения ограничиваются лишь ответами на соответствующие пункты анкеты и стараются не выходить за рамки, очерченные при формулировке вопроса.

Единый и цельный образ власти не выявился ни одной из обозначенных групп. Власть в восприятии наших¹ рассказчиков предстает чем-то неоднородным. Перечислю стержневые моменты в восприятии власти в послевоенный период: личность И. В. Сталина и соответствующий ей круг дискутируемых в последние годы проблем; выборы народных депутатов и их работа; актуален такой вопрос, как судебная практика и правосудие; партийная организация и Ленинский комсомол; важное место в восприятии власти в послевоенное десятилетие занимает тема политических репрессий.

Говоря об органах власти, наши соотечественники нередко упоминают работу профсоюзов и народной дружины, т. е. тех организаций, которые, будучи общественными по статусу, в своей деятельности выполняли ряд государственных функций. Очевидно, данная тематика проходит меньшую самоцензуру. Говоря на данные темы, участники опроса держатся более свободно, охотно дополняют ответы на вопросы случаями из жизни.

Отношение к профсоюзам во многом определяется уровнем образования и социальным положением респондента. Так, занимавшие руководящие должности в промышленности и образовании отмечали высокую эффективность работы профессиональных союзов, однако с оговоркой, что те хорошо справлялись с порученным им направлением работы. Сравнительные обороты, употребляемые в отношении профсоюзов, и конструируемые посредством них образы не всегда совпадают с рациональной трактовкой.

Например, выражение «власти не имели, много беготни» выдает не слишком почтительное отношение. В другом интервью встречаются слова о невозможности руководителю подразделения на предприятии оздоровить атмосферу в коллективе, уволив нескольких нерадивых и злоупотреблявших спиртным работников. Профсоюз настаивал на их восстановлении, ведь у них семьи. В воспоминаниях другой группы профсоюз показан исключительно защитником и одним из главных подателей благ трудовому народу.

¹ При подготовке статьи использовались воспоминания жителей Карелии, собранные совместно с А. Голубевым и А. Осиповым в 2005–2006 гг. Анкета охватывала широкий круг проблем, в том числе содержала блок вопросов, посвященный отношению к власти.

Образ власти и партии сливается и не имеет четких очертаний. В интервью, построенных на принципе беспристрастного изложения, присутствует образ начальства — обезличенной указующей силы, не всегда разумной, склонной действовать по неясной для рядового гражданина логике. Общается начальство с населением посредством законов и постановлений, а также лекций политико-просветительского характера. Данный род мероприятий обязателен для членов партии — дабы обеспечить явку. Большинство наших собеседников отмечали равнодушное отношение к различного рода политбеседам, поскольку не видели для себя практической пользы от них. Сказанное справедливо только для информантов, не состоявших в КПСС. Под политикой в большинстве случаев подразумевается участие в массовых мероприятиях с идеологическим содержанием: митинги, демонстрации. Отношение к ним нейтральное, это воспринимается как нечто не свое.

Особняком от власти находится образ судебной системы. Здесь единодушны все — лучше не судиться и не попадать в поле зрения правосудия. На вопрос почему — четких ответов не следует. Иногда ссылаются на «телефонное право», намекая, очевидно, на свойственные судебным разбирательствам предвзятость и зависимость от партийных структур.

Никто не обошел тему репрессий, хотя ответы в большинстве случаев могут быть охарактеризованы как сдержанные или даже уклончивые. Наши информанты при упоминании этой непростой темы становились лаконичны и безэмоциональны. Высказывались предельно кратко: кто выступал, тех забирали.

Смерть Сталина у всех сторонников нейтрального повествования вызвала озабоченность. Общая черта: все видели плачущих от скорби по ушедшему вождю, но никто не плакал сам. Здесь, несомненно, смешиваются отношение к личности Сталина, усвоенное в годы его правления, и последующие трактовки культа личности. Люди выбирают при повествовании стратегию, позволяющую наилучшим образом предстать перед слушателем, поэтому презентуют нейтральное отношение², но вынуждены признать и оправданность хорошего отношения к Сталину.

² Поскольку неизвестно, какого из множества существующих подходов придерживается собеседник.

Признание осуществляется косвенно, посредством упоминания о многих искренне сожалевших о его смерти.

Среди респондентов, склонных давать собственную оценку виденному, преобладает следующий образ власти: справедливая и строгая, перегибы не обусловлены природой власти, а являлись результатом злоупотреблений отдельных лиц; на все государственные должности выдвигали только достойных людей, особенно в Коммунистическую партию. В данной группе воспоминаний дается оценка народным депутатам: выбирали не альтернативно, но это компенсировалось обсуждением при выдвижении. В советы попадали достойные представители народа. Партийная и хозяйственная работа характеризуется как нетворческая, но требующая широкого кругозора и больших знаний в разных видах деятельности.

Поднимается тема политических репрессий. При их проведении произвол существовал на правах нормы. Говорят, что видели, «как неграмотных мужиков брали как врагов народа». Отношение к личности Сталина уважительное, но без сантиментов.

В обеих группах воспоминаний исключительно положителен образ комсомола. Можно сказать, овеян романтизмом. Хотя наши собеседники порой припоминают в руководстве комсомола не самых достойных представителей советской молодежи, однако рядовые комсомольцы характеризуются как люди искренние, положительные, энергичные.

В целом, обращаясь к воспоминаниям, посвященным первому послевоенному десятилетию, респонденты не склонны использовать яркие образы. Это общая черта для воспоминаний, посвященных органам власти и повседневной тематике, что свидетельствует о восприятии послевоенного времени как спокойного, а власти тех лет — как надежной.